

ТАКАЛА Ирина Рейевна

Независимый исследователь

Россия, г. Петрозаводск

irina.r.takala@gmail.com

НА ПУТИ К НАЦИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ФИНЛЯНДСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Аннотация. Статья посвящена основным этапам становления гуманитарного знания и национальной мысли в Финляндии XVII — начала XVIII века. Основное внимание уделено истории основания и начальному периоду существования первого финляндского университета — Королевской академии в Турку (Або Академия), а также творчеству знаковых фигур в области становления национальной философской и исторической мысли: епископов Гезелнусов (отца и сына), профессора Уппсальского университета Йоханнеса Мессениуса, финляндского пастора Лаврентиуса Абоикуса и профессора Або Академии, епископа Даниеля Юслениуса. Автор статьи приходит к выводу, что деятельность этих людей вполне правомерно считать первым шагом на пути финляндцев в поисках своей национальной идентичности, а творческое наследие, как бы иллюзорны и ошибочны порой ни были их взгляды, положило начало серьезным исследованиям в области истории и культуры финского народа. Рассматриваемый период можно назвать периодом «раннего финского национализма», не всегда осознанного самими его представителями, но имевшего важное значение для формирования культурной и национальной идентичности Финляндии, без чего национальный подъем XIX столетия был бы невозможен.

Ключевые слова: история Финляндии, раннее Новое время, Або Академия, Йоханнес Гезелнус Старший, Йоханнес Гезелнус Младший, Даниель Юслениус, национализм, историография.

Для цитирования: Такала И. Р. На пути к нации: первые шаги финляндской гуманитарной науки и национальной мысли // *Studia Nordica*. 2026. № 1 (2). С. 25–84. DOI: 10.17076/sn20

Необходимое вступление

В российской историографии история Финляндии Нового времени до сих пор изучена фрагментарно. Дореволюционных исследователей наука и культура шведской Финляндии занимали мало: литература, порожденная финляндским вопросом рубежа XIX–XX веков, была сутобо политической и носила либо объективистский, либо откровенно имперский характер¹. В советское время был издан ряд

¹ Ордин К. Ф. *Покорение Финляндии: опыт описания по неизданным источникам*: [в 2 т.]. СПб., 1889; Бородин М. М. *История Финляндии. Время Петра Великого*. СПб., 1910; *Он же*. *История Финляндии. Время Елизаветы Петровны*. СПб., 1910; *Он же*. *История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I*. СПб., 1912; Майков П. М. *Финляндия, ее прошедшее и настоящее*. СПб., 1905.

Следует отметить, что по объему информации труды дореволюционных авторов никто у нас до сих пор не превзошел.

монографических работ, посвященных исследованию тех или иных аспектов истории Великого княжества Финляндского в составе Российской империи², однако особенности развития шведской Финляндии XVII–XVIII веков оставались неизученными³. Современная российская историография сосредоточена в основном на политической истории XX века и советско-финляндских отношениях, исследователи практически не касаются духовной сферы и культурных переворотов, происходивших в финляндском обществе в Новое время⁴.

В финляндской историографии помимо общих обзоров истории культуры разных периодов существует как огромная литература, посвященная отдельным историческим персонажам и их творчеству, так и разнообразные концептуальные исследования, анализирующие основные этапы становления гуманитарного знания в стране и его место в общеевропейской культуре. Понятно, что основное внимание исследователей сосредоточено на нациестроительстве XIX века. Один из самых влиятельных авторов в области изучения интеллектуальной и культурной истории Финляндии XIX века профессор Матти Клинге отмечал, например, что изучение идей национальности в период, предшествовавший Французской революции, — сложная и, как правило, затрагивающая лишь очень узкие круги

² Суни А. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е годы XIX в. Л., 1979; *Он же*. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л., 1982.; Лайдинен А. П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии (первая половина XIX в.). Л., 1979; *Он же*. Социально-экономические реформы 50–70-х годов XIX века в Финляндии. Л., 1982; Корнилов Г. Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX в. Л., 1971; Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: История создания, основные институты. Л., 1988.

³ Исключение составляют работы А. П. Лайдинена (*Лайдинен А. П.* Очерки истории Финляндии второй половины XVIII века. Л., 1972; *Он же*. Торпарская система аренды земли в Финляндии (XVII — первая половина XIX в.). Л., 1987), Г. М. Коваленко (*Коваленко Г. М.* Даниель Юслениус и развитие исторической мысли в Финляндии // Скандинавский сборник. Вып. XXX. Таллинн, 1986. С. 175–181; *Он же*. Х. Г. Портан и развитие исторической науки в Финляндии во второй половине XVIII в. // Скандинавский сборник. Вып. XXXIII. Таллинн, 1990. С. 201–216) и филолога Э. Г. Карху (*Карху Э. Г.* История литературы Финляндии: от истоков до конца XIX в. Л., 1979).

⁴ Появившиеся в XXI веке крайне немногочисленные работы, посвященные истории Финляндии нового времени, тоже сосредоточены на XIX столетии. Попытки некоторых историков выйти за эти временные рамки или создать что-то свое представляются неудачными, поскольку просто пересказывают труды предшественников (см., например: Колесников Д. Е. Феннофильское культурное течение как идейный исток фенномании // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 7–13; *Он же*. Становление фенноманского движения в Великом княжестве Финляндском (1810-е — начало 1860-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2020.; Жербина Е. А., Колесников Д. Е. Идейные истоки фенноманского движения // Неделя науки ВШМО: сб. материалов Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 2022. С. 11–17). Исключением является обстоятельная монография филолога И. В. Макарова, отчасти заполняющая собой лакуну в отечественной историографии по истории Финляндии раннего Нового времени (*Макаров И. В.* Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620 гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб., 2007).

проблема⁵. С ним спорил Юха Маннинен, виднейший финляндский историк идей и науки, тоже подчеркивавший сложность выявления ранних этапов становления национальной мысли, но при этом отмечавший важность их изучения. Во многом благодаря его исследованиям⁶ сегодня XVII–XVIII века рассматриваются как период формирования культурной и национальной идентичности Финляндии — этап, без которого национальный подъем XIX столетия был бы невозможен.

В России современные финляндские исследования Нового времени (за исключением посвященных XIX веку) практически неизвестны. Цель настоящей статьи — ознакомление отечественного читателя с некоторыми важными этапами становления гуманитарного знания и национальной мысли в Финляндии XVII — начала XVIII века.

Особенности развития Финляндии в составе шведского государства

Финляндия до 1809 года входила в состав Швеции. С 1581 года шведский король титуловался «великим князем Финляндским» (до перехода в 1720 году к использованию сокращенного титула даже в официальных случаях), а с 1623 года существовала должность генерал-губернатора Финляндии. У восточной половины королевства имелись собственные административные и культурные учреждения, вполне самостоятельная церковная организация, свои представители на риксдагах.

⁵ Klinge M. Bernadotten ja Leninin välissä: Tutkielmia kansallisista aiheista. Porvoo; Helsinki, 1975. S. 32.

Эти слова в полной мере можно отнести и к шведской историографии, в которой ранний финский национализм без сепаратистских устремлений или прямой государственной цели просто не рассматривался. Впрочем, в последнее время и в Швеции стали появляться работы, в которых предпринимаются попытки через осознание шведами XVII–XVIII веков собственной идентичности проанализировать степень понимания финнами своей «финскости». См.: Nordin J. Ett fattigt men fritt folk: Nationell och politisk självbild i Sverige från sen stormaktstid till slutet av frihetstiden. Stockholm, 2000; *Idem*. Monarchy in the Age of Liberty. Royal power and public life in eighteenth-century Sweden. Lund, 2026. URL: https://lup.lub.lu.se/search/files/243105064/Nordin_Jonas_Monarchy_in_the_Age_of_Liberty_9789198740448.pdf (дата обращения: 15.05.2026).

⁶ Aate ja maailmankuva. Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadallemme / Toim. J. Manninen, S. Knuuttila, I. Niiniluoto. Helsinki, 1979; Hyöty, sivistys, kansakunta: Suomalaista aatehistoriaa / Toim. J. Manninen, I. Patoluolo. Oulu, 1986; Manninen J. Valistus ja kansallinen identiteetti. Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki, 2000; *Idem*. Kansakunnan aatteen synty Ruotsissa ja Suomessa // Tieteessä Tapahtuu. 2002. Vol. 20, No. 1. URL: <https://journal.fi/tt/article/view/57480> (дата обращения: 28.03.2026); *Idem*. ”Suomalaisuus ennen suomalaisuutta” — 1700-luvun tutkimuksen haaste: (Esitelmä Tieteen päivillä 12.1.2005, Helsinki) // Filosofia.fi. URL: https://filosofia.fi/sites/default/files/manninen_suomalaisuus_ennen_suomalaisuutta_lopullinen.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

О расширении интереса финляндских исследователей к эпохе Просвещения свидетельствует издание с 2008 года обществом Портана междисциплинарного онлайн-журнала *Auraica*, в котором публикуются исследования, посвященные периоду существования Або Академии и деятельности Х.Г. Портана, а также истории науки, идей и культуры в целом (см.: <https://journal.fi/aur/index>).

Тем не менее вести речь о равноправном положении обеих частей государства не приходится: княжество было по сути отдаленной провинцией, в экономическом отношении — слабой, в политическом — полностью подчиненной Стокгольму.

Тяжелое бремя налогов и повинностей, постоянно возраставшее со времени правления Густава Вазы, многочисленные русско-шведские войны, которые шли в основном на территории Финляндии, политика меркантилизма и жесткой регламентации, проводившаяся шведскими властями, — всё это не могло не отразиться на экономике края. В XVIII столетии жители Финляндии, составлявшие примерно четвертую часть населения страны, выплачивали около половины всех налогов королевства. Притом производство промышленной продукции в княжестве едва составляло тогда 3–8 % общегосударственного объема⁷.

В эпоху Великодержавия и особенно с утверждением в Швеции абсолютизма нарастают унификаторские тенденции, направленные на интеграцию обеих частей королевства, которые в XVIII столетии зачастую обретают форму открытой «шведизации» Финляндии. Унификация системы управления страной предусматривала превращение восточного княжества в группу ленов наряду с другими ленами королевства. Генерал-губернаторы назначались только в исключительных случаях, в XVIII веке после Великой Северной войны это произошло лишь однажды (Густав Фридрих фон Розен, 1747–1752), и в 1753 году должность была упразднена⁸.

В «эру свобод» (1719–1772) на заседаниях риксдага представители княжества пытались отстаивать свои права: вопросы о финском языке, об улучшении управления краем с учетом национальных интересов финнов и многие экономические проблемы постоянно выносились на обсуждение, но по сравнению с количеством депутатов от Швеции финское представительство в риксдаге было небольшим — жителям Финляндии принадлежала в законодательном собрании в среднем одна восьмая часть депутатских мест⁹. Протоколы заседаний, проекты решений и другие материалы сессий на финском языке не печатались. О содержании законов и постановлений риксдага население Финляндии узнавало от местных пасторов на богослужении, когда они пересказывали содержание официальных документов в собственном переводе. Правительство не спешило доводить до финляндцев даже такие важные постановления, как Уложение 1734 года (*Sveriges rikes lag*): на финский язык новые основные законы были переведены Самюэлем Форсеном к 1738 году,

⁷ Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII века. Л., 1972. С. 47.

⁸ Nilén G. Gustaf Friederich Rosen, von // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/6872> (дата обращения: 31.03.2026).

⁹ См.: Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии... С. 64–68.

но издали их только в 1765-м¹⁰. Отстранение финнов от участия в управлении государством позволяло Стокгольму проводить внутреннюю и внешнюю политику, не считаясь с интересами княжества, что в итоге могло поставить под угрозу их культурную и национальную самобытность.

В XVIII веке в результате русско-шведских войн дважды изменяются и границы Финляндии. После подписания Ништадтского мира 1721 года княжество лишилось Кексгольмского лена и Карельского перешейка с Выборгом. Абоский мир 1743 года вновь уменьшил его территорию — Савонлинна (швед. *Nyslott*), Хамина (*Fredrikshamn*), Лаппеенранта (*Villmanstrand*) отошли к русским. Эти войны и русские оккупации Финляндии (1714–1721, 1742–1743) заставили жителей княжества сомневаться в том, что правительство способно уберечь их от новых нападений. Сомнения были подогреты и знаменитым обращением российской императрицы Елизаветы Петровны к населению Финляндии в 1742 году, когда она предложила финляндцам отделиться от Швеции и создать под покровительством России отдельное государство¹¹. Хотя манифест оказался лишь тактическим ходом и был забыт, как только русское правительство достигло нужных целей (избрание наследником шведского престола своего ставленника Адольфа Фредрика), он породил смятение в умах финляндцев и заставил серьезно задуматься о будущем своего края.

Следует отметить, что с падением шведского великодержавия и установлением в стране режима сословного парламентаризма («эра свобод» — *frihetstiden*), политический статус Финляндии всё же меняется: из обычной провинции она превращается в форпост государства на границе с Россией, увеличивается ее роль и во внутривнутриполитической жизни страны. В Швеции, особенно после «Войны „шап“» 1741–1743 годов, также стали понимать, что могут потерять Финляндию, и во второй половине XVIII века правительство начинает уделять серьезное внимание экономическому развитию и обороне края (предоставление стапельных прав прибогнским городам, развитие путей сообщения и здравоохранения, строительство Свеаборгской крепости на подступах к Хельсинки). Вместе с тем проект реформ, призванных увеличить в органах местной власти, судах и Або Академии число финляндских уроженцев, знающих финский язык, был отклонен королем, а на сессиях риксдага продолжали выдвигать законопроекты, предлагающие различные способы «превращения финнов в шведов»¹².

¹⁰ Nenonen K.-M., Teerijoki I. Historian suursanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva, 1998. S. 109.

¹¹ Манифест Княжеству Финляндскому // П. М. Майков. Финляндия, ее прошлое и настоящее. СПб., 1905. С. 511–515.

¹² Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии... С. 78.

Одним из инструментов интеграции обеих частей королевства была языковая политика. Официальным языком в крае, где 80 % населения в середине XVIII века говорило по-фински, являлся шведский язык: на нем печатались книги, велись делопроизводство и преподавание в школах. Только литература религиозного содержания, предназначенная для простого народа, печаталась на финском языке. Возникший в период Реформации литературный финский язык, не имея доступа ни в культурную, ни в административно-государственную сферу, не завоевывая новых областей в социальной и духовной жизни, как бы законсервировался, оставаясь языком крестьян. Применительно к XVII–XVIII столетиям специалисты находят в состоянии книжного финского языка даже некоторые элементы регресса¹³. В шведском риксдаге обсуждались законопроекты об обучении всех финнов шведскому языку, «чтобы они по языку и по взглядам стали шведами». Выдвигались и проекты насильственного переселения финнов с родных мест с целью ускорения их ассимиляции¹⁴.

Вместе с тем столетний период шведского Великодержавия был ознаменован важными событиями не только во внутривластной жизни страны, но и в духовной сфере: XVII век стал временем зарождения профессиональной нерелигиозной философии. Процессы секуляризации культурной жизни особенно явственно проявляются во второй половине XVII века, когда в Швеции укрепляются позиции картезианства.

Происходившие в духовной сфере перемены не могли не отразиться на Финляндии. Ранние проявления финского национализма были реакцией на шведскую политику унификации и базировались на церковных постулатах о равной легитимности языков всех народов. Первые поиски национальной идентичности были очень далеки от политического движения XIX века, но эти робкие самостоятельные шаги финляндцев в духовной и национальной сферах закладывали основы будущей фенномании. Важной вехой на этом пути стало образование в столице края Турку (Або — шв. *Åbo*, лат. *Abö*)¹⁵ своего университета — Або Академии.

¹³ См.: Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л., 1979; Братчикова Н. С. Состояние и развитие финского языка во второй половине XVII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 6 (745). С. 33–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-razvitie-finskogo-yazyka-vo-vtoroy-pолоvine-xvii-veka> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁴ Suomen historian käsikirja / Toim. A. Korhonen. Porvoo, 1949. Osa I. S. 551; Villstrand N. E. Valtakunnanosa. Suurvalta ja valtakunnan hajoaminen 1560–1812. Porvoo, 2012. S. 53–55.

¹⁵ Кроме устоявшегося названия «Або Академия» далее в тексте используются финские названия финляндских городов, провинций и приходов.

Або Академия во второй половине XVII — начале XVIII века

Распространению в Финляндии шведского языка и культуры способствовала система образования, серьезно реформированная в середине XVII века. Реформу начал Густав II Адольф, поскольку великодержавная Швеция остро нуждалась в образованных чиновниках. Это, впрочем, не меняло основные принципы образовательной политики того времени — подготовка священников оставалась краеугольным камнем всей образовательной системы. Шведские школьные уставы действовали и в восточном княжестве. Согласно школьному уставу королевы Кристины 1649 года, низшей ступенью обучения была так называемая педагогия (*pedagogio*) — одно- или двухлетние начальные детские школы, где учили основам чтения и письма по-шведски, катехизису и арифметике. Далее шла тривиальная школа (*trivialskola*), в которой было четыре класса, обучение в каждом классе длилось два года. В учебный план тривиальных школ входили, как правило, латинский и греческий языки, богословие, история и логика, обучение проходило на шведском языке. Большую часть учеников составляли дети священников, офицеров, государственных служащих и ремесленников, воспитанники из крестьянских семей встречались еще довольно редко. Подготовкой к университету занимались четырехклассные трехлетние гимназии (*gymnasium*), в которых основное внимание уделялось классическим языкам и преподавание велось на латыни¹⁶. Первая (и долгое время единственная) гимназия Финляндии была основана в Турку в 1630 году на базе Соборной школы. В 1641 году она была перемещена в Выборг, а в 1721-м — в Порвоо.

В 1724 году был принят новый школьный устав¹⁷. Он не сильно отличался от устава королевы Кристины, но в нем уже просматриваются идеи по совершенствованию образования пиетиста Августа Германа Франке и просветителя Джона Локка, что, впрочем, никак не повлияло на религиозное образование. Сеть государственных школ в Финляндии не расширялась до конца шведского периода. В XVI веке там были основаны 6 тривиальных школ и 16 педагогий, к началу XIX века их оставалось 7 и 13 соответственно¹⁸. В зажиточных семьях было принято домашнее обучение: частное образование являлось обычным путем к высшей школе для детей знатных и состоятельных семей. Право поступления в университет имели также выпускники гимназии Порвоо и тривиальной школы в Турку.

¹⁶ Подробнее см.: Tähtinen J., Hovi R. Kansanopetuksen ja koulujen kehityslinjoja Suomessa 1500-luvulta 1800-luvun alkuun // Kasvatus- ja koulukysymys Suomessa vuosisatojen saatossa. [Turku], 2007. S. 13–54; Välimaa J. A History of Finnish Higher Education from the Middle Ages to the 21st Century. Cham, 2019. P. 69–73.

¹⁷ Välimaa J. A History of Finnish Higher Education... P. 69.

¹⁸ Tähtinen J., Hovi R. Kansanopetuksen ja koulujen kehityslinjoja Suomessa... S. 28.

Государство содержало школу, но отвечала за преподавание и содержание обучения церковь. Шведский церковный закон 1686 года устанавливал ответственность глав семей за воспитание детей и предусматривал элементарную грамотность королевских подданных: умение читать и знание некоторых основных разделов катехизиса наизусть стали непременным условием для причастия и вступления в брак¹⁹. Обучение прихожан было возложено на приходских священников и их помощников. Церковь организовывала так называемые передвижные школы, когда учитель несколько раз в течение года переезжал с одного места обучения на другое. Появляются и приходские школы, готовившие детей к конфирмации (*rippikoulu*). По церковному уставу возраст для посещения конфирмационной школы составлял 13–14 лет; ее выпускник для того, чтобы быть допущенным к Первому причастию, иметь возможность принимать Вечерю Господню или быть рукоположенным в брак, должен был уметь читать по книге и быть знакомым с Малым катехизисом²⁰. В результате конфирмационная школа и завершающее ее Первое причастие превратились не только в торжественный момент, связанный со взрослостью, но и стали фактором массовой грамотности. Важно, что церковное начальное обучение, как и проповеди, велись на понятном прихожанам финском языке.

Шведская система образования просуществовала в Финляндии до школьной реформы 1843 года.²¹ Начальное церковное образование дало свои плоды: во второй половине XVIII столетия элементарной грамотой владели уже две трети населения княжества. Вместе с тем Финляндия сильно отставала от Швеции по количеству постоянных государственных школ (примерно 10 % от общего количества), а шведский язык преподавания препятствовал росту численности учеников. Культурные процессы тормозились и чуждым языком книжной культуры, и отсутствием навыков письма на финском языке при шведоязычном делопроизводстве.

Важная роль в подготовке шведоязычных чиновников и духовенства отводилась основанному в Турку в 1640 году университету. Королевская академия в Турку (Або Академия, лат. *Regia academia Aboensis*, швед. *Kungliga Akademien i Åbo*, ныне Университет Хельсинки) появилась по инициативе тогдашнего генерал-губернатора княжества графа Пера Браге²² и на всех владениях шведской короны

¹⁹ См.: Kircko-laki ja ordningi 1686 / Suom. H. Florinus. Helsinki, 1986. URL: https://kaino.kotus.fi/korpus/vks/meta/lait/flor1688_rdf.xml (дата обращения: 30.03.2026).

²⁰ Kircko-laki ja ordningi 1686; Seppälä J. Rippikoulun ja konfirmaation kehitys // Kartalla: rippikoulutyön käsikirja / Toim. A. Rissanen. Helsinki, 1998. S. 39–41.

²¹ Подробнее см.: Heikkinen A. Perinneyhteisöstä kansalaisyhteiskuntaan: Koulutuksen historia Suomessa esihistoriallisesta ajasta itsenäisyyden aikaan. Helsinki, 1983. S. 43–96.

²² Здесь и далее при написании личных имен предпочтение отдается устоявшимся в отечественной традиции вариантам.

стала третьим по старшинству высшим учебным заведением после Уппсальского (1477) и Дерптского (*Academia Gustaviana*, 1632) университетов. В 1666 году, после Роскилльского мира, властями в целях шведизации только что завоеванной провинции Сконе был основан университет в Лунде (*Academia Carolina*). Образовательные реформы великодержавной Швеции перенаправили поток студентов, веками отправлявшихся в иностранные высшие школы, в четыре собственных университета королевства: Уппсала, Дерпт, Турку и Лунд. В XVIII веке их осталось три: после присоединения Ливонии к России Дерптская *Academia Gustaviana* прекратила свое существование.

Пер (Пиетари) Браге (*Per Brahe*, 1602–1680), видный государственный и военный деятель Швеции эпохи Великодержавия, был генерал-губернатором Финляндии в 1637–1640 и 1648–1654 годы. Его стараниями было усовершенствовано административное управление княжеством, основано девять новых городов, реформировалась система образования²³. Он одним из первых начал воспринимать Финляндию как специфический языково-национальный регион, пытался продвигать письменное и устное использование финского языка в управлении, за что его иногда называют «финским националистом до финского национализма». Браге также отвечал за перевод всей Библии на финский язык, вплоть до 1660-х годов поддерживал проекты по преподаванию финского языка в Або Академии и рекомендовал молодому Карлу XI овладеть его основами²⁴.

За два губернаторских срока Браге совершил не менее семи инспекционных поездок по разным финляндским городам и ленам. По его мнению, Финляндия, сопоставимая по размерам со многими другими государствами, была богатой страной с благоприятными природными условиями: «Если бы Богу было угодно, человеческий разум мог бы поднять эту страну до состояния и процветания любого небольшого европейского королевства»²⁵. Но, как полагал генерал-губернатор, финнам не хватает культуры, а зачастую и трудолюбия, жители края нецивилизованны, а главной проблемой он считал отсутствие квалифицированных государственных служащих²⁶.

Реформы Браге, коснувшиеся практически всех сфер жизни Финляндии, были по сути реализацией политики объединения, направленной на преодоление

²³ Подробнее см.: *Teerijoki I.* Brahe, Per // Suomen kansallisbiografia. Helsinki, 2003. Osa 1. S. 769–773; *Wittrock G.* Per Brahe // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=18054> (дата обращения: 28.03.2026).

²⁴ Vanhimman suomalaisen kirjallisuuden käsikirja / Toim. T. Laine. Helsinki, 1997. S. 207–209.

²⁵ Цит. по: *Santavuori M.* Turun linna. Turku, 1970. S. 86.

²⁶ Suomen historian pikkujättiläinen. Helsinki, 2003. S. 217; *Villstrand N.E.* Valtakunnanosa... S. 52; *Klinge M. ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia 1640–1808. Helsinki, 1987. S. 66, 88–89.

различий между отдельными регионами Швеции. Тем не менее в памяти финнов генерал-губернатор и первый канцлер Або Академии граф Пер Браге остался прежде всего человеком, верившим в возможности развития Финляндии и немало этому способствовавшим. Как отсылка к благоприятному периоду его правления в финском языке появилось идиоматическое выражение *kreivin aikaan* — «в графское время» (в лучший момент; в самое подходящее время)²⁷. Следует упомянуть и то, что благодаря скептическому отношению Браге к колдовским процессам масштабы охоты на ведьм в Финляндии были несопоставимы с громкими процессами, которые велись во многих других европейских странах, в том числе и в Швеции XVII века²⁸.

Создание высшей школы в Финляндии также было частью политической деятельности Пера Браге. Учредительный устав Королевской академии в Турку, даровавший ей те же привилегии, что и университету в Уппсале, был подписан членами опекунского совета несовершеннолетней королевы Кристины 26 марта 1640 года²⁹. 15 июля того же года состоялось торжественное открытие Академии: под пушечные выстрелы праздничное шествие на галерном корабле прибыло в город, а после освящения, торжественных речей и службы в соборе, которую провел епископ Исаак Ротовиус, в замке Турку был устроен грандиозный пир³⁰. Созданная на базе городской гимназии, Академия получила ее двухэтажный каменный корпус в периметре стены кафедрального собора и некоторых профессоров из числа бывших гимназических преподавателей. Уппсальские университетские уставы (с некоторыми изменениями, внесенными Пером Браге) действовали в Академии до 1827 года, когда после большого пожара, уничтожившего более трех четвертей Турку и уникальную академическую библиотеку, университет был переведен в новую столицу княжества Хельсинки и преобразован в Императорский Александровский университет.

²⁷ *Vilppula M.* Kreivin aikaan // Helsingin Sanomat. 30.12.2003. URL: [https://web.archive.org/web/20170312071307/http://www.kotus.fi/nyt/kolumnit/kieli-ikkuna_\(1996_2009\)/kreivin_aikaan](https://web.archive.org/web/20170312071307/http://www.kotus.fi/nyt/kolumnit/kieli-ikkuna_(1996_2009)/kreivin_aikaan) (дата обращения: 17.04.2026).

²⁸ Abo — Suomen metropoli, 1600-luku Turussa / Toim. S. Tuomola. Turku, 2000. S. 76–80; *Nenonen M.* Noituus, taikuus ja noitavainot. Helsinki, 1992. S. 263. См. также: *Nenonen M., Kervinen T.* Synnin palkka on kuolema: Suomalaiset noidat ja noitavainot 1500–1700-luvulla. Helsinki, 1994.

²⁹ Текст учредительного документа см.: *Klinge M. ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 82–84; *Välimaa J.* A History of Finnish Higher Education... P. 299–301. День основания финляндского университета до сих пор ежегодно отмечается в Турку как крупнейшее академическое торжество — *Akateeminen päivä* (*Academic Day*).

³⁰ Описание праздника см.: *Klinge M. ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 85–93. Для торжественного ужина, например, был заказан теленок, много говядины, 15 овец и 15 ягнят, 50 куриц, 200 яиц. В изобилии были пиво и вина, выпечка, другие деликатесы того времени, что позволило отразить праздничную атмосферу дня и в целом создать впечатление самого значимого торжества в Турку «со времен сотворения мира» (*Ibid.* S. 92).

Королевская академия Турку была тесно связана с европейскими университетскими традициями, но долгое время оставалась периферийным, бедным и академически изолированным университетом. По примеру Уппсальского университета она получила широкое самоуправление с разными свободами и судебными правами. Во главе стоял канцлер, назначаемый из числа наиболее знатных и влиятельных особ королевства, помогал ему местный чиновник — вице-канцлер, до 1820-х годов это были туркуские епископы. Главной задачей канцлера было выстраивать взаимоотношения Академии с правительством, то есть обеспечивать существование университета как государственного учреждения. Непосредственным начальником и руководителем университета, а также председателем консистории был вице-канцлер, который обладал большим влиянием, поскольку канцлеры в Турку появлялись редко³¹. Первым канцлером финляндского университета стал Пер Браге, вице-канцлером — глава епархии Турку Исаак Ротовиус.

Основным органом управления Академией была консистория, состоявшая из всех профессоров под руководством ректора, которого они выбирали ежегодно. Первым ректором стал бывший лектор туркуской гимназии профессор теологии Эскиль Петреус. Швед по происхождению, он хорошо знал финский язык, был главой комитета по переводу Библии (*Coco Pyhä Ramattu Suomexi*, издана в 1642-м) и автором одной из первых кратких финских грамматик, созданных по поручению Браге (*Linguae Fennicae brevis institutio*, 1649)³². Консистория была весьма могущественным органом, обладая не только административными, но и судебными полномочиями: она могла приговаривать провинившихся профессоров и студентов к тюремному заключению и даже к смертной казни, не говоря о дисциплинарных наказаниях. Приговоры утверждал канцлер³³.

В соответствии с европейской университетской традицией Королевская академия в Турку состояла из четырех факультетов: теологии (три профессора), права (один), медицины (один) и философии (шесть). Со временем структура должностей расширялась, помимо профессорских появились должности ассистентов и доцентов. Из одиннадцати первых профессоров Академии только двое являлись

³¹ Vålismaa J. A History of Finnish Higher Education... P. 80.

³² Klinge M. Petraeus Aeschillus // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?id=452> (дата обращения: 30.03.2026).

Грамматика была издана под именем Петреуса, но авторами были также два других человека, входившие в комитет по переводу Библии: профессор Мартинус Стодиус и пастор Григорий Фаворинус (Nummila K-M. Kirjoitetun suomen historia: Kieli ja kirjallistuminen keskiajalta 1800-luvun taitteeseen. Helsinki, 2025. S. 399).

³³ Klinge M. *ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 108–113.

уроженцами Финляндии³⁴. Впрочем, все они были шведскими подданными, что, по мнению властей, должно было гарантировать их преданность экономическим и религиозно-идеологическим интересам короны. Профессора назначались королем по предложению университета. В Финляндии эта традиция — назначение профессоров главой государства — продолжалась до 1997 года³⁵. Факультеты возглавляли деканы. Самым маленьким долго оставался факультет права, еще в начале XIX века там было всего два преподавателя.

Самый крупный из факультетов, философский, по своей природе был базовым, пропедевтическим, где начинали обучение все студенты, после чего у них появлялась возможность специализироваться на других факультетах. Этика, политика, история, логика и поэтика включали в себя изучение философии того времени и в какой-то степени соответствовали современным предметам практической и теоретической философии. Изучали на философском факультете также математику, физику, ботанику, риторику и классические языки (иврит, греческий и латынь).

В Академии преподавались только те предметы, которые были прописаны в уставе; помимо базовых дисциплин философского факультета это были право, теология и медицина. Устав определял базу знаний, места обучения и методы преподавания, а также устанавливал минимальное количество учебных часов, необходимых для получения степени³⁶. По примеру других европейских университетов в общее образование студенческой молодежи были включены предметы так называемых школ для дворянской молодежи (*Collegium illustre*, лат. «благородная коллегия»): танцы, музыка, рисование, фехтование, верховая езда и современные языки (французский и итальянский)³⁷. Изменения изначальной структуры были редки

³⁴ Профессор священных языков, греческого и иврита Мартти Пуялка, известный как Мартин Стодиус (1590–1675), родился в Турку, а профессор физики и ботаники Георг Аланус (1609–1664) на Аланских островах (Suomalaiset akateemiset henkilöt 1640–1899 // Akatemiasampo. URL: <https://akatemiasampo.fi/fi/people/faceted-search/table?page=0>) (дата обращения: 27.03.2026). В современной финляндской историографии принято смягчать оценки, распространенные в нарративах традиционной национальной истории. По мнению некоторых исследователей, превалирование шведов среди финляндской профессуры было скорее отражением патрон-клиентской системы XVII века, нежели свидетельством «шведизации» Або Академии. Кроме того, поскольку языком обучения была латынь, родной язык не имел существенного значения (см.: *Välimaa J. A History of Finnish Higher Education...* P. 83–84). Тем не менее очевидно, что изначально профессорский корпус Або Академии формировался из протекже Браге и шведского епископа Йоханнеса Рудбекиуса (Рюдбека) — большинство профессоров были выходцами из Вестеросской епархии, которой Рудбекиус руководил с 1618 по 1649 год. Правда, по мнению авторов истории Або Академии, она довольно быстро превратилась в относительно замкнутый институт, состоящий преимущественно из тех, кто получил образование в Турку и, кроме того, часто был связан с академическим миром родственными узами (*Klinge M. ym. Kuninkaallinen Turun Akademia...* S. 79).

³⁵ *Välimaa J. A History of Finnish Higher Education...* P. 83.

³⁶ Ibid. P. 82.

³⁷ Ibid. P. 65.

и в XVII столетии случились лишь однажды, в 1655 году, когда логика и поэтика были разделены на отдельные профессуры.

Доминирующим языком обучения долгое время оставалась латынь. Использование шведского языка, например в диссертациях, начало увеличиваться только во второй половине XVIII века. Финский язык не имел официального статуса, но из практических соображений знания будущих священников по финскому языку тоже проверялись.

Независимый статус Академии обеспечивался собственными источниками доходов: до 1811 года финансы университета формировались в основном из налоговых отчислений от владений, пожалованных ему при создании (земли с постройками, полями, мельницами, садами, рыбными угодьями и пр.). Заработная плата профессоров рассчитывалась в деньгах, но в действительности их использование было незначительным, увеличиваясь лишь со временем. Труд оплачивался натуральными продуктами, что ставило экономическое положение Академии в серьезную зависимость от урожаев и цен на сельскохозяйственную продукцию³⁸. Казенное финансирование было крайне скудным, средств выделялось в шесть раз меньше, чем Уппсальскому университету, их хронически не хватало на учебную работу, содержание библиотеки, лабораторий. Денег не нашлось даже на празднование столетия Академии в 1740 году. Годовое жалование профессора финляндского университета было в полтора раза меньше, чем в шведских вузах, да и оно в неурожайные годы снижалось наполовину. Средневековое здание бывшей соборной школы, где разместился университет, находилось в плачевном состоянии, аудитории не отапливались, к строительству нового здания приступили лишь в 1802 году³⁹.

³⁸ Средства Академии собирались с более чем 300 ферм в районе Турку. Когда денег не хватало, крестьяне Академии каждый год перегоняли большие стада скота в город, где они делились между арендаторами. Профессор забирал свою долю животных для личного пользования или продавал их. В 1743 году было утверждено новое правило расходования средств, и каждому профессору было разрешено заниматься сбором налогов с закрепленного за ним имения. Важно, что профессор и крестьянин теперь вступали в непосредственное социальное взаимодействие, которое могло оказать серьезное влияние на их взгляды. Профессор, заинтересованный в развитии сельского хозяйства, мог принести большую пользу крестьянам своими знаниями, а у крестьян Академии, возможно, пробуждалось желание отправлять своих сыновей учиться (*Autio V.-M. Professorin viran ja arvon kehitys Suomessa. 2000 // Professoriliitto. URL: <https://www.professoriliitto.fi/app/uploads/2023/11/Veli-Matti-Autio-Professorin-viran-ja-arvon-kehitys-Suomessa.pdf>* (дата обращения: 15.04.2026)).

³⁹ В целом Або Академия представляла собой огромный социальный институт, в который к середине XVIII века входил каждый десятый житель Турку. Академия была крупнейшим работодателем в городе, который предлагал своим сотрудникам практически пожизненную юридическую защиту, в том числе пенсионерам и членам их семей, а также вдовам, детям и другим родственникам умерших должностных лиц. Из них всего лишь два процента были штатными профессорами. Большую часть академического сообщества помимо профессоров и студентов составляли люди, обеспечивавшие жизнедеятельность университета: чиновники, служащие, ремесленники, полевые рабочие, все со своими семьями, подмастерьями и прислугой. К неудовольствию городской буржуазии, все, кто находился в юрисдикции Академии, были освобождены от различных городских налогов и сборов. Была в Академии и своя полиция, следившая за жизнью сообщества и особенно за студентами (*Vainio-Korhonen K. Turun Akatemia ja turkulaisten arki 1700-luvulla: Juhlaluento. Turun yliopisto, Akateeminen päivä 26.3.2013. URL: <https://web.abo.fi/aktuellit/akateeminen.pdf>* (дата обращения: 02.04.2026)).

Студенты тоже были бедны. Правительство учредило 50 ежегодных стипендий: 48 по 10–30 риксдалеров из собственных средств университета, которые, как правило, выдавались натурой (две, четыре или шесть бочек зерна в семестр) и 2 государственные по 75 риксдалеров. Для получения стипендии соискатель должен был сдать устный экзамен в присутствии всех профессоров и вице-канцлера⁴⁰. Выдавались и чрезвычайные пособия наиболее прилежным. Остальные перебивались кто как мог: студенты зарабатывали порученчеством, содержали пивную лавку, просили милостыню, наиболее успешные зарабатывали частными уроками.

На момент открытия Академии на учебу в ней записалось 44 студента (из них 8 финляндцев), но в течение первого учебного года количество обучающихся увеличилось до 249 (большая часть из Швеции). Университет оставался относительно небольшим на протяжении всего периода Турку: такой состав — около 11 профессоров и 250 студентов — практически не менялся на протяжении почти 200 лет⁴¹.

Как в других европейских университетах, студенчество с самого начала группировалось по землячествам, официально утвержденным в 1643 году. Первоначально было образовано девять землячеств — шесть шведских и три финских (Турунляяни, Сатакунта и Похьянмаа). Это были весьма самостоятельные корпорации со своими собраниями, празднествами, кассой, членами которых были не только студенты, но и преподаватели из этих мест. Возглавляли их кураторы, которые назначались консисторией из числа преподавателей, позже выбирались студентами. Участие в землячествах с 1681 года было обязательным, поскольку в их функции входило нравственное руководство студентами и дисциплинарная власть над ними, а также социальная защита своих членов⁴².

Унаследовала Академия и другие традиции европейских университетов, например церемонию депозиции (лат. *depositio*), своеобразного посвящения в студенты после успешной сдачи вступительного экзамена. Это был обряд инициации, который должны были пройти все новые ученики. Совершался он особым лицом по выбору консистории — депозитором, получавшим от посвящаемого особую пошлину в 16 эре в пользу ректора и декана. Сама церемония представляла собой довольно грубый ритуал, иногда с издевательствами и истязаниями, после чего посвящаемый провозглашался «свободным студентом».

В шведском трактате XVII века депозиция описывается следующим образом: «Церемониймейстер, к которому обращались „господин депозитор“, заставлял тех

⁴⁰ Klinge M. *ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 313.

⁴¹ Ibid. S. 92, 304.

⁴² Ibid. S. 291, 294–296. См. также: Strömberg J. Studenter, nationer och universitet: studenternas härkomst och levnadsbanor vid Akademien i Åbo 1640–1808. Helsingfors, 1996 // Kansalliskirjaston digitaaliset aineistot. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/2100585?page=1> (дата обращения: 17.04.2026).

молодых студентов, которые желали быть принятыми, надеть одежду разных цветов из разного материала. Им вымазывали грязью лица, к шапкам крепили длинные уши и рога краями вниз, в уголки рта вставлялись длинные кабаньи клыки, служившие им наподобие свистков, когда их били палками. Длинная черная мантия свисала с их плеч. Таким образом их, одетых еще более безобразно и нелепо, чем ведомые на костер жертвы инквизиции, депозитор выпускал из специальной комнаты, прогонял перед собой наподобие стада буйволов или ослов и гнал в зал, где их ждала публика. Депозитор заставлял встать их в круг, сам вставал посередине, корчил гримасы и делал разные жесты, насмехаясь над их странным видом, а затем обращался к ним с речью, постепенно переходя от шуточного к серьезному. Он говорил об их грехах и недостатках молодости и доказывал, что им необходимо стать лучше, понести наказание и очиститься посредством учебы. После этого он задавал им разные вопросы, на которые они должны были отвечать. Но кабаньи клыки мешали им четко выговаривать слова, и они хрюкали, поэтому депозитор называл их свиньями и укорял, легонько ударяя палкой по плечам. Эти клыки, говорил он, означают их невосдержанность, поскольку их разум затуманен излишествами молодых людей в пище и питье. Затем он доставал из мешка деревянные щипцы, которыми охватывал их за шеи и тряс до тех пор, пока клыки не упадут на землю. Если они были готовы учиться и быть прилежными, говорил он, то они утратят свою склонность к излишествам и жадности точно так же, как потеряли кабаньи клыки. Затем он обрывал их длинные уши, давая понять, что они должны будут прилежно учиться, если не хотят остаться ослами. Потом брал рубанок и хватал новичков за рога, символизовавшие звериную грубость. Новичок должен быть лечь вначале на живот, затем на спину и оба бока. В каждом из положений депозитор „обстругивал“ все их тело и говорил: литература и искусства обтепшут их ум»⁴³.

На фоне церемонии депозиции развился феномен пеннализма (нем. *penalismus*) — жестокая студенческая практика, когда старшие студенты тиранили младших (фактически постоянная форма депозиций). Зародился он во французских университетах и оттуда распространился по всей Европе, приняв особенно тяжелые формы в немецких лютеранских университетах XVII века. В Академии Турку этап пеннализма длился полгода, вновь принятые ходили в черных плащах и прислуживали старшим студентам с безусловной покорностью, терпя всяческие издевательства над собой. Странная должность депозитора была отменена в конце XVII века, институт пеннализма (хотя и не в такой грубой форме) сохранялся до начала XIX века⁴⁴.

⁴³ Цит. по: Комлева Ю. Е. Европейские университеты в раннее Новое время (1500–1800): [Учеб. пособие]. Екатеринбург, 2013. С. 189–190.

⁴⁴ Там же. С. 190–191; Nollningen på 1600-talet // Uppsala universitet. URL: <https://www.uu.se/om-uu/akademiska-traditioner/studenttraditioner/nollning> (дата обращения: 10.04.2026).

Королевская академия Турку была не научным учреждением в современном понимании, а скорее центром подготовки духовенства, в основу обучения были положены лютеранское богословие и европейский ренессансный гуманизм. Пер Браге считал, что с помощью университета людям в Финляндии будут привиты «правый страх Божий, респектабельность, полезность, добродетели, законные средства к существованию и все виды хорошей жизни»⁴⁵.

Тесная связь между церковью и университетом оказала решающее влияние и на преподавание, и на академическую науку. Усердно изучалась и разъяснялась Библия — ее авторитет был абсолютным. Ставить под сомнение библейские истины не разрешалось ни во имя науки, ни с ее помощью; все представления, отклоняющиеся от лютеранского вероисповедания, решительно отвергались. В Турку с подозрением относились ко многим взглядам, уже принятым в континентальной Европе. Например, первый профессор математики Симон Свенонис Кекслерус, занимавший эту должность почти 30 лет (1640–1669), приложил немало усилий, отстаивая птолемеевское мировоззрение и опровергая гелиоцентрическую картину мира Николая Коперника⁴⁶.

Для профессоров философского и теологического факультетов средневековая схоластика оставалась незыблемой, картезианство и учение Коперника ими отвергались как противоречащие Библии⁴⁷. Профессор богословия теологического факультета Эневальд Свенониус, занимавший эту должность почти 30 лет (1660–1688), не только поддерживал строгую ортодоксию, но и следил за правильным использованием философии. В 1662 году он опубликовал учебник *Gymnasium capiendae rationis humanae* («Школа для понимания человеческого разума»), состоявший из «упражнений», которые учили правильному использованию философской аргументации, необходимой при изучении богословия⁴⁸. Свенониус полагал, что в вопросах веры разум неуместен, и вслед за своими предшественниками (Петр Дамиани, Фома Аквинский) считал философию «служанкой богословия»: «Philosophia utendum est, non fruendum» — «Философией нужно пользоваться, а не наслаждаться».

⁴⁵ Цит. по: Abo — Suomen metropoli: 1600-luku Turussa. S. 48.

⁴⁶ Mustelin O. Simon Kexlerus // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11449> (дата обращения: 04.04.2026).

⁴⁷ Во многом это объясняется тем, что должность профессора университета в Швеции того времени была не самой важной ступенью в социальной лестнице, главное — она позволяла занять высокие посты в церкви: почти каждый пятый профессор завершал свою карьеру в качестве главы епархии. Дисциплина, определяющая профессорскую должность, не имела большого значения с точки зрения церковной карьеры, тем не менее практически все стремились подать заявку на должность профессора теологии, поскольку она обеспечивала наибольший доход и наивысший престиж (*Välimaa J. A History of Finnish Higher Education... P. 84*).

⁴⁸ Oittinen V. Suomalainen filosofia 1200–1850 // Filosofia.fi. URL: <https://filosofia.fi/sites/default/files/oittinen-suomal-filosofia.pdf> (дата обращения: 25.03.2026).

Его стараниями в 1664 году лишился своего епископского поста Йоханнес Элаи Терсерус — первый профессор красноречия, а затем богословия в Академии Турку. В 1658–1664 годы он возглавлял туркусскую епархию, и его Катехизис, опубликованный в 1662 году, был воспринят как принятие доктрин других христианских конфессий и подвергся резкой критике со стороны бывших коллег. Свенониус обвинил епископа Терсеруса в кальвинистской ереси и отказе от ортодоксального лютеранства, в результате чего тот был вынужден уйти в отставку⁴⁹.

В таких условиях естественные науки в Академии практически не развивались. Первый профессор медицины Эрикус Акрелиус вошел в историю как человек, не опубликовавший за время своего пребывания в должности (1641–1670) ни одной научной работы, под его руководством не было защищено ни одной диссертации⁵⁰, хотя по правилам Академии каждый профессор должен был выпускать по крайней мере одну диссертацию в год.

Вместе с тем в Академии изначально работали люди, старавшиеся выйти за предписанные временем и окружением схоластические рамки. Первым профессиональным философом финляндского происхождения считается Андреас Турониус (*Andreas Thuronius*, 1632–1664) из Хямеенкюрё — профессор логики, метафизики, затем естествознания. Он был любимцем канцлера Пера Браге и получил профессорскую должность на философском факультете, когда ему было всего 23 года⁵¹. Главный его труд *Institutiones Logicae* (1654) объемом в 850 страниц в условиях того времени стал настоящим достижением, хотя и не отличался оригинальностью, поскольку был составлен на основе аналогичных зарубежных работ и большая часть текста была заимствована из учебников логики предшественников. Впрочем, академические преподаватели того времени не претендовали на оригинальность, напротив, их призывали придерживаться традиций, поскольку практически все работы, опубликованные в первый период существования Або Академии, прежде всего были предназначены для студентов.

В то время две школы логики конкурировали друг с другом: одна основывалась на работах французского гуманиста Пьера де ла Раме (или Петруса Рамуса, *Petrus Ramus*, 1515–1572), другая — на возрожденном аристотелизме. Широта мысли Турониуса проявилась в том, что в его труде прослеживаются умозаключения

⁴⁹ Claesson U. Enevald Svenonius // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=34874> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵⁰ Klinge M. *ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 575. См. также: Peikola M. Jäljittelyä vai jäljentämistä? Professori Ericus Achreliuksen englanninkieliset gratulaatiot Turun Akatemiassa 1640–1660-luvuilla // Auraica. 2010. Vol. 3. S. 19–21. URL: <https://journal.fi/aur/article/view/3671> (дата обращения: 22.05.2026)

⁵¹ Oittinen V. Suomalainen filosofia 1200–1850; Suomalainen filosofian kronikka // Niin & Näin. URL: https://web.archive.org/web/20071006223959/http://www.netn.fi/Muut/netn_finfil.html#anchor379734 (дата обращения: 17.04.2026).

как Аристотеля, так и Рамуса. Работа также включала почти стостраничное общее изложение философии начиная с первого философа Адама и при этом содержала некоторые тезисы, противоречившие постулатам богословия о возможности приобретении знания лишь посредством Божественного Откровения. По мнению Турониуса, философия — это «интеллектуальная тенденция продвигать знание, которое может быть получено естественными средствами [чувством или разумом] для достижения высшего блага в этой жизни»⁵². Впрочем, Турониус был убежден, что философия — это дар Божий, она не противоречит теологическим принципам, но может служить теологии только в том случае, если подчинена ей (принцип *ancilla theologiae* — «служанка богословия»). В другом своем известном произведении *Compendium metaphysicae* (1664) он игнорирует новые философские течения, представленные прежде всего Фрэнсисом Бэконом и Декартом: Бэкон упоминается лишь косвенно, а картезианство традиционно осуждается. *Institutiones Logicae* стал наиболее полным учебником логики в Шведском королевстве, а в Турку предмет преподавали по Турониусу на протяжении полувека⁵³.

Эти произведения принесли ему известность уже при жизни (к сожалению, очень короткой — 32 года). Большое уважение Турониус снискал себе и как участник академических дебатов, удостоившись титула *disputator subtilis* («тонкий полемист»). В одном из поздравительных стихотворений того времени говорилось, что Платон, Аристотель и Рамус, если бы они воскресли, соревновались бы за право стать учениками Турониуса. Сам он написал около тридцати латинских стихотворений, в основном обычных поздравлений с защитами диссертаций, промоциями и свадьбами. В 1659 году, приветствуя от имени Академии вернувшегося из Москвы барона Густава Бьельке, Турониус произнес блестящую речь, которая входит в число самых впечатляющих произведений, созданных в финляндском университете за первое столетие его существования⁵⁴.

Важной альтернативой учебной литературе, четко определенной уставом, были диссертации, посвященные различным актуальным темам, многие из них, правда в основном уже в XVIII столетии, становились главным каналом для передачи новейших научных знаний и идей.

Студенты Академии писали, как правило, диссертационные работы двух видов: назначение одних (*pro exercitio*), обязательных для всех, было сугубо учебным и состояло лишь в демонстрации владения латынью, другие (*pro gradu*) давали право получения степени магистра. Зачастую работы первого вида писались не самим

⁵² Цит. по: Suomalainen filosofian kronikka.

⁵³ *Kajanto I.* Thuronius Andreas // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?id=2601> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵⁴ Ibid.

студентом, а его научным руководителем, что давало возможность преподавателю публиковать материалы своих научных исследований при отсутствии финансирования, а студенту на защите демонстрировать полученные языковые навыки⁵⁵. Оплачивали расходы на печать таких работ студенты, объем их был ограничен, поэтому многие профессора публиковали свои крупные исследования в виде целой серии диссертаций.

С 1642 по 1828 год в Або Академии было опубликовано свыше 4430 диссертаций и тезисов⁵⁶. Первой диссертацией Академии стала работа «*Discursus politicus de prudentia*» («Политическое рассуждение о благоразумии»), написанная профессором политики и истории Микаэлем Вексониусом и защищенная 18 декабря 1641 года его студентом Эневальдом Понтаном (впоследствии — уже упоминавшийся выше Эневальд Свенониус, примарий, то есть первый профессор теологического факультета, вынудивший уйти в отставку епископа Терсеруса). По Вексониусу, политическая мудрость (*prudentia*) — это мудрость и благоразумие, стремящиеся добродетельно действовать на благо государства и народа. В качестве руководящих принципов законодательства он рекомендовал справедливость, полезность, осуществимость, соответствие божественному и естественному закону, а также ясность и краткость⁵⁷.

В 1642 году при Або Академии мастер-печатник Педер Вальд основал первую в Финляндии типографию, и диссертация Вексониуса стала первой книгой, напечатанной в крае, положив начало публикации диссертационных работ⁵⁸. Наиболее значимыми печатными трудами Вальда были *Manuale Finnonicum* (1646) священника из Уусикиркко Йонаса Рауманнуса, представляющая собой 1082-страничный сборник гимнов на финском языке, и финская грамматика Эскиля Петреуса (1649). Первой книгой, напечатанной на финском языке, была *Ylimmäisen keisarin*

⁵⁵ Klinge M. *ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 392–398. Были и другие подвиды диссертационных работ, см.: Kouvalainen K. Turun akatemian väitöskirjat // Duodecim. 2008. No. 18. URL: <https://www.duodecimlehti.fi/duo97513> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵⁶ Национальная библиотека Финляндии каталогизировала и оцифровала из них 4173 диссертации. См.: Kansalliskirjaston ylläpitämä julkaisuarkisto Doria. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/50699> (дата обращения: 15.05.2026). См. также: Turun Akatemian latinankielisten väitöskirjojen suomennosten bibliografia // Filosofia.fi. URL: <https://filosofia.fi/fi/arkisto/turun-akatemian-latinankielisten-vaitoskirjojen-suomennosten-bibliografia> (дата обращения: 15.05.2026). В работе Клинге приведены устаревшие сведения (3850 диссертаций, с. 397), которые тем не менее иногда повторяются в современной литературе.

⁵⁷ Michael Wexionius (*praes.*) & Enevald S. Pontanus (*resp.*). Discursus politicus de prudentia // Doria. URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/33503/Discursus_politicus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 16.04.2026).

⁵⁸ Nenonen K.-M., Teerijoki I. Historian suursanakirja. S. 560; Klinge M. *ym.* Kuninkaallinen Turun Akatemia... S. 619. См. также: Nuorteva J. Turun akatemian kirjapaino tieteen ja opetuksen palveluksessa 1642–1827 // Unigrafia. URL: https://web.archive.org/web/20120519152852/http://www.unigrafia.fi/fi/vaittelijan_palvelusivut/vaitoskirjan_historia (дата обращения: 16.04.2026).

Jesuxen Christuxen Mandati eli käsky Йоханнеса Коллинуса, пастора прихода Каркку, изданная в 1643 году⁵⁹.

Тогда же в Турку из Упсалы приходит традиция промоций⁶⁰, сохраняющаяся до сих пор в университетской культуре Финляндии. Первый такой праздник был организован в Або Академии 4 мая 1643 года, когда 10 студентов получили степень магистра философии. В их числе был Авраам Колланиус, который в 1640-е годы перевел на финский язык средневековые шведские законы, действовавшие в Финляндии до 1734 года: городской закон Магнуса Эрикссона (*Magnus Erikssons stadslag*, 1350), земельный закон короля Кристофера (*Kung Kristoffers landslag*, 1442) и «Правила для судей» (*Domarregler*) Олауса Петри (1545)⁶¹.

Если вернуться к Микаэлю Вексионису (*Mikael Wexionius*, 1609–1670, в 1650 году возведен в дворянство как Гюльденстольпе — *Gyldenstolpe*), то его можно считать самой важной фигурой в области практической философии на начальном этапе существования Академии. В своих работах, в основном посвященных этике и политике, он опирался на аристотелевскую традицию и Меланхтона, но в них явно ощущается и влияние Гуго Гроция. В своем главном труде в области моральной философии *Collegium ethicum* (1649, новое издание — 1655) он, следуя известной старой традиции, рассматривал счастье (*эвдемонизм*) как высшую добродетель и в целом определял добродетель как выбор среднего пути между крайностями⁶². В политической философии основной работой Вексионуса была *Politica praecepta* (1647, новое, переписанное издание — 1657), где он пытался применить свои политические теории к современному состоянию шведского государства. По его мнению, лучшей формой правления является ограниченная монархия и существуют два типа подданных: «непосредственные», то есть те, которые являются непосредственно подданными короля (коронные крестьяне), и «косвенные» подданные, которые были арендаторами дворянских земель. По легенде, эта теория настолько разозлила короля Карла X Густава, что он швырнул книгу о стену⁶³. Отголоски многих мыслей Вексионуса можно отыскать век спустя у Портана.

⁵⁹ Kristillisen kirjan historia: 1600–1649 // Martinkirja. URL: <https://www.martinkirja.fi/1/kristillisen-kirjan-historia-1600-1649/> (дата обращения: 16.04.2026).

⁶⁰ Промоция (лат. *Promotio* — буквально «продвижение», отсюда происходит значение «повышать в звании, должности») — университетский праздник, на котором проводится церемониальная инаугурация лиц, получивших ученую степень доктора или магистра. Самый характерный и значимый праздник западного университетского мира, который на протяжении веков превратился в форму академической культуры.

⁶¹ Подробнее см.: *Metso T. Tapaillaan. Akateemisia juhlia ja tapoja...* Helsinki, 1998.

⁶² *Oittinen V. Suomalainen filosofia 1200–1850; Hallstenson E. Wexionius Mikael* // Filosofia.fi. URL: https://filosofia.fi/suomalainen_filosofia/galleria/4958 (дата обращения: 17.04.2026).

⁶³ *Oittinen V. Suomalainen filosofia 1200–1850.*

В 1650 году была опубликована его самая известная и одна из самых важных работ за первое десятилетие существования Академии. Книга под названием «Краткое описание Готии, Швеции, Финляндии и их провинций» (*Epitomescriptionis Gothiae, Sueciae, Fenningiae et subiectarum provinciarum*) представляла собой всеобъемлющее географическое и историческое описание Шведской империи⁶⁴. Труд был создан по инициативе канцлера Пера Браге, который хотел, чтобы студенты Академии получили общее представление о стране, где им предстоит работать. Вексioniус рассказывал о ландшафтах Швеции и Финляндии, языковых условиях, истории, экономике и управлении. Интересно, что в этом сочинении Финляндия представлена как третий центральный регион империи, наряду со Свеаландом и Ёталандом. В целом как ученый Микаэль Вексioniус не был особенно оригинальным или глубоким. Но он смог применить знания, навыки и опыт, приобретенные в европейских университетах, в обучении первого поколения студентов нового университета.

Именно в диссертационных работах туркуских профессоров к концу XVII столетия появляется нарастающая оппозиция поддерживаемой церковью протестантской неосхоластике. Причем, несмотря на указ короля Карла XI, завершившего «декартовские споры» в Швеции и разрешившего «свободу философствования» в определенных пределах (*Libertas philosophandi*, 1689)⁶⁵, оппозиция эта возникает сначала не среди профессиональных философов, а среди физиков и ученых-медиков. Под руководством Петера Хана, занимавшего в 1683–1718 годы должность профессора физики, были опубликованы первые диссертации с явным положительным отношением к картезианским идеям. Например, в работе *Discursus physiologicus de sensibus hominis* («Физиологическое рассуждение о человеческих чувствах», 1690) он, вслед за Декартом, строго отделял душу и тело друг от друга, рассматривая тело как чисто физиологический механизм⁶⁶. Иллюстрации к этой диссертации состояли из картинок, перерисованных из «Оптики» Декарта. К концу эпохи шведского Великодержавия в Або Академии возрос интерес и к Фрэнсису Бэкону.

Но в целом финляндский университет долгое время оставался бедным, мало кому известным провинциальным учебным заведением, в котором можно было получить лишь часть необходимого образования, и следовало продолжать учебу в вузах Швеции или Европы. Профессор Санкт-Петербургского университета Эдуард Берендтс

⁶⁴ *Gyldenstolpe Michael Olai* (1650). *Epitome descriptionis Sueciae, Gothiae, Fenningiae, et subjectarum provinciarum. Accuratiùs quàm unquam antehac editae* // Doria. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/69496> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶⁵ *Oittinen V.* *Suomalainen filosofia 1200–1850.*

⁶⁶ *Petro Hahn.* *Aesthesiologia seu discursus physiologicus de sensibus hominis* // Kansalliskirjaston digitaaliset aineistot. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/1979677?page=1> (дата обращения: 17.04.2026).

в начале XX века охарактеризовал Або Академию так: «В течение первых 150 лет своего существования Абовский университет не представлял собою ничего своеобразного. Та же ученая тяжеловесность, что и в маленьких германских университетах, лишь беднее по содержанию и по объему, та же сварливость и самонаслаждение профессоров, та же дикость студенческих нравов. „Академию на Ауре“ можно было смело пересадить в любой городок Германии, не опасаясь лишить ее своеобразного характера»⁶⁷.

Это не совсем так. Кардинально ситуация меняется уже в середине XVIII века с распространением в Финляндии идей Просвещения. Именно с этого времени Академия становится действительно духовным и культурным центром края. Почва для восприятия финляндцами новых идей и прогрессивных веяний готовилась постепенно, и в этой связи нельзя не вспомнить деятельность вице-канцлеров Або Академии отца и сына Гезелиусов, а также подвижническую работу профессора Даниэля Юслениуса.

Семья Гезелиусов

Приверженность ортодоксальной теологии и слабые контакты с европейскими научными центрами долгое время тормозили развитие научных исследований в Або Академии, особенно в области естествознания и медицины. Единственным, пожалуй, достижением финляндской богословской мысли, высоко оцененным и за пределами Швеции, в XVII веке был труд туркусских епископов и вице-канцлеров университета отца и сына Гезелиусов.

Йоханнес Гезелиус Старший (*Johannes Gezelius vanhempi*, 1615–1690) был епископом в Турку и вице-канцлером университета в 1664–1690 годы. Сын шведского крестьянина-рустгалтера⁶⁸ из Вестманланда, он получил хорошее образование в университетах Уппсалы и Дерпта, имел степени магистра (1641) и доктора (1661) богословия. До Турку он был профессором греческого и восточных языков, а также богословия в *Academia Gustaviana*, служил суперинтендантом Шведской Лифляндии, одновременно занимая должности вице-канцлера Дерптского университета и викария шведской конгрегации в Риге⁶⁹.

Гезелиуса Старшего иногда называют «отцом народного образования»⁷⁰, поскольку практически всю свою жизнь он работал над повышением уровня

⁶⁷ Берендтс Э. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. СПб., 1902. С. 4.

⁶⁸ Рустгалтер — зажиточный крестьянин-землевладелец, содержащий солдата-кавалериста взамен внесения податей в казну.

⁶⁹ Laasonen P. Gezelius Johannes vanhempi // Kansallisbiografia. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2252> (дата обращения: 08.04.2026).

⁷⁰ Шикалов Ю. Г. История финских букварей: от Агриколы до наших дней // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 4 (13). С. 42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-finskih-bukvarey-ot-agrikoly-do-nashih-dney> (дата обращения: 08.04.2026).

образования как духовенства, так и простых прихожан. Вероятно, еще в Дерпте он познакомился с Яном Амосом Коменским, педагогическое учение которого впоследствии имело для него большое значение. В подготовке священнослужителей особое место Гезелиус уделял гомилетическому обучению, то есть проповедническому искусству. Сразу по прибытии в Турку он создал в Академии проповеднические курсы (*Collegium concionatorium*), которыми сам руководил, обучая слушателей составлять простые и доступные для понимания проповеди. Он также ввел обязательный экзамен для претендентов на должность приходского священника, требуя от них не только знания Библии, но и практических навыков работы с паствой⁷¹.

Укрепляя образование духовенства, Гезелиус думал и о том, как поднять на более высокий уровень школьное и народное обучение. Опираясь на идеи Коменского и немецкого педагога Вольфганга Ратке, он рассматривал вопросы воспитания и образования в неразрывном единстве и намеревался внедрить их «естественный» способ обучения в финских школах. Основой такого способа он считал раннее начало обучения, последовательное и постепенное продвижение вперед, от знакомого к незнакомому, от целого к частному, наглядность, систематичность, а также мягкость и дружелюбие педагогов, использование элементов игры с тем, чтобы учеба приносила радость и таким образом мотивировала стремление учеников к достижению лучших результатов⁷². Для распространения этих принципов Гезелиус опубликовал учебники Коменского: *Janua linguarum* («Открытая дверь к языкам», 1631) была издана во время его дерптского периода в 1648 году, а *Orbis sensualium pictus* («Мир чувственных вещей в картинках», 1658) — в 1680 году в Финляндии. Этот поистине революционный учебник Коменского (изначальное издание на латыни и немецком) почти сразу был переведен на многие языки, быстро распространился по Европе и стал образцом учебной литературы на несколько веков. В издании Гезелиуса тексты, относящиеся к изображениям, были на латыни и шведском языке, что позволяло ему называть этот учебник «первым глоссарием»⁷³.

⁷¹ Laasonen P. Gezelius Johannes d.ä. // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=2252> (дата обращения: 08.04.2026).

⁷² Подробнее см.: Leinonen M. Johannes Gezelius vanhempi ja oppimisen ilo // Kasvatus- ja koulukysymys Suomessa vuosisatojen saatossa. [Turku], 2007. S. 55–74; Idem. Johannes Gezelius vanhempi luonnonmukaisen pedagogiikan soveltajana: comeniuslainen tulkinta. Jyväskylä, 1998.

⁷³ Randen S. Johannes Gezelius vanhemman kirjapainossa painettujen latinan oppikirjojen pedagogiikka // Koulu ja menneisyys. Suomen kasvatuksen ja koulutuksen historian seuran vuosikirja. 2014. Vol. 52. S. 180. Первые латинско-шведские словари появились еще в XVI веке, в эпоху Реформации. Сам Гезелиус в своей типографии в 1678 году напечатал латинско-шведско-финский словарь пастора Хенрикуса Флоринуса на 3000 поисковых терминов: *Nomenclatura Rerum brevissima, Latino-Sveco-Finnonica... Henrici M. Florini...* Aboæ, 1678 // Kansalliskirjaston digitaaliset aineistot. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/2533753?page=5> (дата обращения: 15.05.2026). Но адаптированного для детей глоссария, по всей видимости, еще не было.

Гезелиус также во многом опережал свое время, подчеркивая важность обучения родному языку и навыкам чтения на нем. В начале XVII века в основу программы государственного образования шведской церковью был положен катехизис. Гезелиус развил и в соответствии с принципами Коменского модернизировал эти установки. Приехав в Турку, он в 1666 году издал свой учебник для начального обучения с методическим руководством, причем не только на шведском (*Ett rätt barna-klenodium*), но и на финском (*Yxi paras Lasten tawara*) языке⁷⁴. Эта «Одна лучшая вещь для детей» включала в себя букварь, Малый катехизис Лютера с пояснениями и сборник библейских фраз с обучающими словами. Основной целью книги было научить детей навыкам чтения и основам христианства. Учебник стал базовым в финском народном образовании на полтора столетия, выдержав около 80 переизданий⁷⁵.

Принципы государственного образования Гезелиуса соответствовали объединительным целям эпохи Великодержавия. Он стремился к тому, чтобы все сословия шведского общества были проникнуты христианской доктриной, сформированной лютеранской ортодоксией XVII века. Будучи одним из разработчиков церковного закона 1686 года, он предложил приходским священникам новую регистрационную систему тотального контроля над церковным начальным обучением, которая пригодилась и светской власти и использовалась в качестве инструмента учета населения вплоть до XXI века⁷⁶. В целом это способствовало быстрому распространению начальной грамотности на родном языке как в Швеции, так и в Финляндии. Заботясь о развитии школьной системы и всеобщем народном образовании, Гезелиус содействовал увеличению количества школ в крае и разрабатывал методики обучения, а также способы улучшения условий работы учителей. Его «Метод обучения» (*Methodus informandi in paedagogiis tam ruralibus quam urbicis*, 1683), представлявший собой сборник уставов для тривиальных школ и педагогий епархии Турку, приобрел характер нормативного документа, направленного на дальнейшее развитие школьной системы, в том числе и за пределами его епархии⁷⁷.

Гезелиус твердо верил в важность печатного слова для распространения образования и активно занимался издательской деятельностью. Как уже было сказано, первая типография появилась в Финляндии в 1642 году в Або Академии, но именно при Гезелиусе Старшем начинается бурное развитие печатного дела.

⁷⁴ [Gezelius Johannes vanhempi] Yxi paras lasten tawara... Turusa, 1666 // Doria. URL: <https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/33281/yxiparaslastentawara.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 08.04.2026).

⁷⁵ Laasonen P. Gezelius Johannes d.ä...

⁷⁶ Laasonen P. Gezelius Johannes vanhempi...

⁷⁷ Mustelin O. Johannes Gezelius // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/mobil/Artikel/17044#/sbl/Mobil/Artikel/13047> (дата обращения: 18.04.2026).

Неудовлетворенный возможностями академической типографии, он решил сам стать книгоиздателем, что было довольно амбициозным проектом для того времени. В 1667 году он основал в Турку собственное книжное издательство и типографию, а также бумажную фабрику за городом, обязав местное духовенство снабжать фабрику тряпками в качестве сырья. Типография, которая вскоре стала лидером отрасли, была оснащена новейшим техническим оборудованием, в период с 1669 по 1690 год там было напечатано около 300 книг, значительную часть которых составляли разного рода учебники⁷⁸. Большинство изданий было напечатано по указаниям Гезелиуса — находясь во главе отрасли, он мог контролировать издательские планы и работу по переводу иностранной литературы, сокращая при этом импорт иностранных книг.

В 1672 году Гезелиус издает *Encyclopaedia synoptica* — первую финляндскую энциклопедию на латинском языке в трех томах⁷⁹. Это был всеобъемлющий и смешанный по содержанию обзор теоретической и практической философии того времени, а также предметов по математике и естественным наукам, предназначенный в основном для студентов-теологов, а потому традиционно консервативный (критика картезианства и игнорирование эмпирической философии Бэкона). Дополнением к Энциклопедии в определенном смысле можно считать и его *Casuum conscientiae et praecipuarum quaestionum decisiones* («Решения по делам совести и важным практическим вопросам», 1690)⁸⁰ — богословский труд, предназначенный для будущих священников и рассматривающий (в вопросах и ответах) проблемы догматики, этики, церковного права и практического пастырства.

Самой амбициозной попыткой литературной деятельности Гезелиуса Старшего был комментарий к шведскому переводу Библии, который он, к неудовольствию многих богословов, открыто критиковал, указывая на найденные там ошибки. Гезелиус начал работу по экзегетике вместе со своим сыном Йоханнесом Гезелиусом Младшим (*Johannes Gezelius nuorempi*, 1647–1718), который получил отличное европейское образование, совершив в начале 1670-х учебную поездку по университетам Дании, Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии и познакомившись со многими выдающимися библеистами протестантского мира. Прежде всего следует упомянуть основателя пиетизма Филиппа Якоба Шпенера, с которым Гезелиус

⁷⁸ Laasonen P. Gezelius Johannes vanhempi...

⁷⁹ Encyclopædia synoptica ex optimis & accuratissimis philosophorum scriptis collecta & in tres partes distributa... *Johannis Gezelii*... Aboæ, 1672 // Doria. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/98743> (дата обращения: 18.04.2026).

⁸⁰ Casuum conscientiae et praecipuarum quaestionum practicarum decisiones, ex s. scriptura, monumentis sc. prophetarum & apostolorum... *Johannes Gezelij*... Aboæ, 1689 // Doria. URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/119759/Casuum_conscientiae_et_praecipuarum_quaestionum_practicarum.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 18.04.2026).

Младший познакомился в 1673 году во Франкфурте-на-Майне и переписывался потом до 1690-х⁸¹. Эта дружба, по-видимому, оказала глубокое влияние на его религиозное мышление и будущую деятельность. После возвращения он намеревался перевести на шведский язык небольшую работу Шпенера *Pia desideria* («Благочестивые желания», 1675), содержащую программу обновления церкви. Однако Гезелиус не стал пиетистом, хотя Шпенер надеялся, что тот внедрит программу *Pia desideria* в Финляндии. В Або Академии царил абсолютная ортодоксия, исходящая из Виттенберга, в отношении которой было важно проявлять осторожность и избегать сомнительных реформ. Конфликт с радикальными пиетистами в итоге привел Гезелиуса Младшего в стан их яростных противников⁸².

Вернувшись в Финляндию и защитив докторскую диссертацию в 1675 году, Гезелиус Младший стараниями отца получил должность профессора теологии в Академии. В 1681 году он был назначен суперинтендантом в Нарву для решения православного вопроса в Ингерманландии. Цель единства королевства подразумевала, что в стране не должно быть людей, не являющихся лютеранами, и опасным исключением оставалось православное население восточных провинций. В 1686 году он опубликовал на финском языке руководство для лютеранских священников по обращению с православными христианами *Uscollinen Manaus*⁸³. Работа была откровенно пропагандистской, а вопрос в политическом плане деликатным, и Гезелиуса отчитали за использование слишком резкого и оскорбительного для православных языка, разрешив опубликовать исправленное издание⁸⁴. В целом прозелитическая деятельность Гезелиуса Младшего по обращению православных ингерманландцев и карелов в лютеранство была активной, но не слишком успешной. В 1689 году он вернулся к престарелому отцу и в 1690-м стал его преемником.

⁸¹ Mustelin O. Johannes Gezelius // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13048> (дата обращения: 18.04.2026). В «Шведском биографическом словаре» статьи Улофа Мустелина о трех представителях семьи Гезелиусов — отца, сына и внука — называются одинаково, следует обращать внимание на адрес ссылки.

⁸² Laasonen P. Gezelius Johannes d.y. // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2253> (дата обращения: 18.04.2026).

По мнению Пентти Лаасонена, последние письма Шпенера помогли Гезелиусу Младшему сохранить в себе наследие шпенеровского благочестия и предотвратили публичное их противостояние, когда в 1690-х годах пиетизм начал испытывать трудности как в Германии, так и в Швеции (Laasonen P. Vanhan ja uuden rajamaastossa: Johannes Gezelius nuorempi kulttuurivaikuttajana. Helsinki, 2009. С. 165–168).

⁸³ [Johannes Gezelius nuorempi]. Uscollinen manaus nijlle kuin suomenkielä puhuwat/ mutta cuitengin tähän asti heitäs pitänet wenäjän kirckoin ja pappein tygö. Annettu Stockholmis/ vuonna 1686 // Doria. URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/130147/Uscollinen_manaus_nijlle_kuin_suomenkielä_puhuwat_mutta_cui.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 08.04.2026).

⁸⁴ Подробнее см.: Laasonen P. Vanhan ja uuden rajamaastossa... S. 169–191; Tarkiainen K. Moskovalainen: Ruotsi, Suomi ja Venäjä 1478–1721. Helsinki, 2022. S. 231–237. URL: <https://oa.finlit.fi/books/m/10.21435/ht.286> (дата обращения: 15.05.2026).

Будучи епископом в Турку, Гезелиус Младший продолжил дело своего отца по развитию школьной системы, распространению грамотности среди прихожан и подготовке священников. Совершая многочисленные поездки по епархии, он тщательно следил за соблюдением положений церковного закона 1686 года и в этом контексте усердно работал над сохранением финского языка. Он внес свой вклад в издание финского сборника гимнов 1701 года (позже его стали называть «Старым сборником гимнов» — *Vanha virsikirja*), который стал самым долго используемым в Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии, оставаясь официальным до 1886 года. Всего в XVIII–XIX веках было выпущено около 250 изданий⁸⁵.

Время, когда Гезелиус Младший был епископом Турку (1690–1718), стало периодом крушения шведского великодержавия и смены многих парадигм в общественной и философской мысли Швеции, где на протяжении практически всего XVII столетия господствовали идеи ортодоксального лютеранства. В условиях нараставшего влияния пиетизма в протестантизме и картезианского рационализма в философии Гезелиус Младший, прекрасно знакомый с этими новыми европейскими интеллектуальными течениями, предпочел остаться на позициях строгого лютеранства, считая идеи пиетистов и просветителей разрушающими религиозное единство Шведского королевства. Как и отец, он стал горячим, даже более убежденным сторонником лютеранской ортодоксии.

Консерватизм отца и сына Гезелиусов, с одной стороны, позволил им поднять богословские изыскания в Финляндии XVII века до международного уровня: их первый полный комментарий к Библии на шведском языке с тщательным лингвистическим анализом перевода и точной экзегезой (*Biblia, thet är, All then Heliga Skrift, På Swensko*) был высоко оценен в протестантской Европе. Сын успешно продолжил начинание отца, однако проект оказался более трудоемким, чем ожидалось, работа затянулась на десятилетия. Первая часть гезелианской Библии была издана в 1711 году, вторая — в 1713-м. Завершил работу по изданию последней части уже третий Йоханнес Гезелиус (*Johannes Gezelius nepos*, 1686–1733), сын Гезелиуса Младшего, первый епископ Порвоо, куда после Великой Северной войны была переведена Выборгская епархия⁸⁶. Полностью издание увидело свет лишь в 1728 году и оказалось сразу принципиально устаревшим на фоне перемен в обществе и духовной жизни Швеции.

С другой стороны, церковная деятельность Гезелиусов, их активное вмешательство во все дела епархии и Або Академии в качестве вице-канцлеров тормозили проникновение в Финляндию новых реформаторских и просвещенческих идей,

⁸⁵ Подробнее см.: *Vanha virsikirja. Vuoden 1701 suomalainen virsikirja* / Toim. T. Väinölä. Helsinki, 1995.

⁸⁶ *Laasonen P. Gezelius Johannes (Nepos)* // *Biografiskt lexikon för Finland*. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=2271> (дата обращения: 18.04.2026).

оставляя философскую мысль в лоне лютеранской ортодоксии и средневековой схоластики. Гезелиус Старший активно боролся с остатками язычества и колдовством, при его поддержке в 1660–1680-х годах в Финляндии резко увеличилось количество процессов над ведьмами и колдунами, в том числе и в стенах Академии. Гезелиус Младший не менее активно противостоял деятельности пиетистов, отстраняя их от занимаемых должностей и участвуя в создании запрета для шведских граждан на обучение в зарубежных пиетистских университетах.

В любом случае влияние Гезелиусов на духовную жизнь Финляндии их времени трудно переоценить. Гезелиуса Старшего в историографии называют «выдающейся фигурой в истории финской церкви и образования»⁸⁷, а Гезелиуса Младшего — «культурным агентом», который, несмотря на весь свой богословский консерватизм, взрастил в философской мысли Финляндии ростки европейского индивидуализма и рационализма⁸⁸. Гезелиус Младший отлично владел финским языком, был большим патриотом Финляндии и духовным наставником Даниэля Юслениуса. Он многое сделал для того, чтобы финляндский университет не распался во время Великой Северной войны: Академия была эвакуирована в Швецию и стараниями Гезелиуса не считалась закрытой.

Ajan tieto: у истоков финляндской историографии

В финляндской историографии любят вспоминать классический вопрос молодого Сакариуса Топелиуса «Есть ли у финского народа история?». Так называлась лекция 25-летнего журналиста, прочитанная 9 ноября 1843 года на ежегодном собрании землячества Похьянмаа студентов Хельсинкского университета. Топелиус считал, что Финляндия не могла иметь свою историю в строгом смысле этого слова до 1809 года, поскольку у нее не было собственного государственного или национального самосознания. Весь шведский период с 1157 по 1809 год следует рассматривать как «время ученичества», когда древнее прошлое финского народа передавалось историческому будущему. «Если история хочет быть наукой, а не таблицей умножения, ей для существования требуется нечто большее, чем свидетельства хроник. Ей необходимы то, что Гегель называет „ясными деяниями“: нравственное развитие духа до осознания его свободы в рамках индивидуальности народа.

⁸⁷ Mustelin O. Johannes Gezelius // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/mobil/Artikel/17044#/sbl/Mobil/Artikel/13047> (дата обращения: 18.04.2026).

⁸⁸ Nuorteva J. Piispa Johannes Gezelius nuorempi eurooppalaisen individualismin ja rationalismin juurilla // Tieteessä tapahtuu. 2010. No. 2. S. 54–56. URL: <https://journal.fi/tt/article/view/2693> (дата обращения: 22.05.2026).

Следовательно, за эти рамки выходит всё детство народа, смятение кланов и племен, борьба, размежевание, мирное существование и разрушение. За пределами этого круга также находится та часть юности, которая, хотя и закрепились в своих формах, тем не менее, бессознательно получила все свои определения извне, потому что дух такого народа еще не определился как особый дух. Именно на этом основании — и потому что финская история должна искать свое содержание внутри народа, и поэтому не должна рассматриваться ни как местная, ни просто противостоящая чему-то чужеродному — весь ход развития народа до 1809 года представляется как доисторический»⁸⁹.

Истории не было, но ее нужно было написать, что Топелиус сам позже и сделал в своих исторических романах и в «Книге нашей страны» (*Boken om Vårt Land, Maamme kirja*, 1875) — блестящем произведении, в котором события в значительной степени описаны глазами ребенка, а расширение детского мировоззрения символизирует национальное пробуждение⁹⁰. Эта книга использовалась в качестве учебного пособия в финляндских школах почти сто лет, до 1950-х годов⁹¹.

Другой создатель финской национальной истории Юрьё-Коскинен (Георг Захариас Форсман) считал, что «Когда финский народ этого хочет, у него есть история»⁹². Его «Учебник по истории финского народа» (*Oppikirja Suomen kansan historiassa*, 1869–1873⁹³) стал первым всеобъемлющим изложением истории Финляндии как самостоятельного явления, а не как части шведской истории. В работе в гегелевско-снелъмановском духе подчеркивалась роль народа как субъекта истории, отображалось развитие финнов в направлении «государственного и национального самосознания», и она стала ключевым финноязычным историческим трудом, сформировавшим национальную историографию⁹⁴.

⁸⁹ Topelius Z. Äger Finska Folket en Historie? // Zacharias Topelius Skrifter. URL: <https://topelius.sls.fi/sv/collection/216/text/20441?views> (дата обращения: 07.04.2026).

⁹⁰ См. электронное издание, подготовленное Обществом финской литературы и Шведским литературным обществом в Финляндии: Maamme kirja: Digitaalinen editio. 2018. URL: https://maammekirja.sls.fi/index.php?p=texts&bookId=28#itemId=28_1§ionId=ch1 (дата обращения: 15.05.2026).

⁹¹ К 1907 году было продано 240 000 экземпляров Maamme kirja (Suomen kulttuurihistoria. 2 / Toim. P. Tommila, A. Reitala ja V. Kallio. Porvoo; Helsinki; Juva, 1980. S. 272).

⁹² Haapala P. ym. Kertomus Suomen historiasta. Tampere, 2021. S. 478 // Trepo. Tampereen yliopiston avoin julkaisuarkisto. URL: <https://trepo.tuni.fi/handle/10024/219096> (дата обращения: 07.04.2026).

⁹³ Книга доступна в электронном виде: Yrjö-Koskinen. Oppikirja Suomen kansan historiassa. Helsinki, 1869–1873. URL: <https://books.google.ru/books?id=DOjgAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=fi#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 16.05.2026).

⁹⁴ Подробнее см.: Liikanen I. Fennomania ja kansa: Joukkojärjestäytymisen läpimurto ja Suomalaisenpuolueen synty. Helsinki, 1995; Mylly J. Kansallinen projekti: Historiankirjoitus ja politiikka autonomisessa Suomessa. Turku, 2002; Suomalaisen yhteiskunnan historia 1400–2000. Tampere, 2021. Osa 2. Yhteisöt ja identiteetit / Toim. P. Markkola, M. Niemi, P. Haapala.

Сконструированная в XIX веке под знаменами фенномании, национальная история оставалась доминирующим нарративом на протяжении всего XX века, успех ее объяснялся не столько прогрессом исторической науки, сколько политической реальностью. Но она не возникла в вакууме, даже если ее авторы считали иначе. Попытки создания собственно финской истории уходят своими корнями в Средние века.

Следует помнить, что история пишется в определенной социальной ситуации, а не в башне из слоновой кости. Сохранение памяти о прошлом в средневековой европейской историографии (точнее в донаучном историописании) базировалось на наследии античной — греческой и римской — историографии, но организовывала она события не по причинно-следственным связям, а по хронологии, реализуя ряд христианских концепций (прежде всего универсализм и эсхатологию). История воспринималась как деяния Божьи: она имела начало — божественные творения и получит конец — второе пришествие. В целом же средневековая историография, во многом являясь побочным продуктом ученого христианского благочестия, рождала теологически ориентированное видение истории. При этом историческое повествование оставалось плохо локализованным в пространстве, всякая история мыслилась как часть всемирной, что, впрочем, не исключало локального патриотизма и ксенофобии, породивших к жизни национальные историографии⁹⁵. Наиболее распространенным жанром произведений средневекового европейского историописания были хроники или анналы.

Некоторые исследователи относят начало формирования национальных историографий в Европе ко второй половине XII века⁹⁶. Однако встраивание национальной истории в историю вселенской церкви началось задолго до этого, достаточно вспомнить «Церковную историю народа англов» Беда Достопочтенного (672/673–735), которая принесла ему славу «отца английской истории»⁹⁷.

С XIII века разворачивались и противоположные тенденции в историописании: встраивание всемирной хроники в местную или, напротив, расширение местной хроники до масштабов универсальной. Принципиально важным отличием, характеризующим историографию этого периода, становится появление

⁹⁵ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 52–56.

⁹⁶ См.: Kersken N. High and Late Medieval National Historiography // *Historiography in the Middle Ages*. Leiden; Boston, 2003. P. 181–215.

По мнению других исследователей, «национальные истории» Норберта Керскена точнее называть «королевскими», поскольку их основным фокусом была история конкретной монархии и они являются важнейшим источником для детального понимания того, как конструировались и поддерживались именно королевские идентичности (Reynolds S. *The Idea of the Nation as Political Community* // *Power and the Nation in European History* / ed. by L. Scales and O. Zimmer. Cambridge, 2005. P. 56).

⁹⁷ Зверева В. В. «Новое солнце на западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008. С. 6.

исторических сочинений на народных языках, в результате исторические тексты стали достоянием низших сословий, а не только образованного духовенства и дворянства⁹⁸. Распространяется отдельный жанр стихотворной хроники, составленной на народном языке.

XV век характеризуется резко возросшим интересом к национальной истории и ее истокам. Уже в XI и XII веках в европейской средневековой историографии появляются представления о происхождении той или иной общности от готов, описанных Иорданом, а также различные формы апелляции к готскому наследию. Средневековый готицизм, основанный на династических претензиях монархических домов, в раннее Новое время трансформируется в протонациональный готицизм, возникший как побочный продукт поиска национальной идентичности в процессе формирования национальных государств⁹⁹.

Возникновение скандинавской национальной историографии относят к первой половине XII века. Ее основоположниками принято считать Сэмунда Сигфуссона (1056–1133) и Ари Торгильссона (Ари Мудрый, 1067/8–1148), прозванного «исландским Геродотом» и «отцом исландской истории»¹⁰⁰. Свои работы ученый писал прозой, и не на латыни, а на староисландском языке. Затем появляются «Норвежские синоптики», «Деяния датчан» (*Gesta Danorum*) Саксона Грамматика, шведские рифмованные хроники, исландские анналы. И уже в сочинениях XI и XII веков мы находим упоминания о готском происхождении правящей семьи шведских королей: описанные античными авторами готы отождествлялись со шведским племенем ётов, а Швеция называлась их прародиной. Готицизм давал возможность мифологизировать историю, придавая ей большую древность, чем это позволяли источники, и стал вдохновителем множества исторических мифов и утопических взглядов, укоренившихся на века в значительной части западноевропейской историографии. Во второй половине XV века готская тема возникает в шведских исторических сочинениях, что было связано со шведско-датской борьбой в рамках Кальмарской унии. Окончательно шведский готицизм как концепция оформился в XVI столетии, после расторжения Кальмарской унии и Реформации. Главную роль в этом сыграли последние католические архиепископы Уппсалы братья Йоханнес и Олаус Магнусы, чьи труды возводили шведский королевский дом к Магогу,

⁹⁸ Литература о европейской историографии Средних веков и раннего Нового времени обширна, ее обзор не входит в задачи данной статьи. См., например: *Bibliography // Historiography in the Middle Ages* / ed. by D. Deliyannis. Leiden; Boston, 2003. P. 418–451.

⁹⁹ Lind J. Goter og göticisme // *Goternes Sprog, Historie og Efterliv: Et tværfagligt symposium*. Odense, 2006. S. 64–65.

¹⁰⁰ Литовских Е. В. Первые исландские историки (XI — начало XII в.) // *Вестник Пермского университета. История*. 2020. Вып. 1 (48). С. 146–154.

сыну Иафета, и стали образцом патриотической историографии, возмечившей шведскую национальную историю. В начале XVII века, в период становления шведского Великодержавия, готицизм практически превратился в государственную идеологию¹⁰¹. С 1618 по 1834 год в королевской канцелярии Швеции существовала должность риксистогиографа. Главной задачей назначенных на нее исследователей было написание биографий правителей и описание истории государства, а также ведение архивов¹⁰². Риксистогиографы были королевскими чиновниками и действовали практически полностью независимо от академического мира, тем не менее их работы также отправлялись из Стокгольма в библиотеку Або Академии.

Что касается Финляндии, то письменные латиноязычные документы об этом крае существовали с XII века начиная с папских булл и посланий Папе, в которых описывается распространение христианства в Швеции. Первые книги на финском языке появляются в середине XVI века благодаря Реформации. И уже у их создателей, прежде всего у гуманиста и богослова, епископа Туркуской епархии Микаэля Агриколы (ок. 1510–1557), усилия по развитию финского литературного языка были связаны с определенным чувством национальной гордости. Агрикола привлек внимание к финскому языку, написав в предисловии к своему «Молитвеннику» (*Rucouskiria*, 1544), что всё ведающий Бог понимает и по-фински¹⁰³. Впрочем, все деятели финляндской Реформации, издававшие духовные тексты на финском языке (Яакко Финно, Эрик Соралайнен, Хемминки из Маску, Паавали Юстен), преследовали сугубо эцклезииологические цели¹⁰⁴.

В академической среде тоже делались робкие и немногочисленные попытки обратить внимание на Финляндию как особый регион. Например, выпускник Або Академии, будущий член риксдага и бургомистр Турку Йохан Шефер, служа в Тарту,

¹⁰¹ Подробнее см.: Толстиков А. В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Сущность и метаморфозы шведской идентичности. М., 2008. С. 59–76; Lind J. Goter og göticisme. S. 64–71; Urpilainen E. Algot Scarin ja gööttiläisen historiankirjoituksen mureneminen Ruotsissa 1700-luvun alkupuolella. Helsinki, 1993.

¹⁰² Miettinen T. Esimerkkejä ja opettavaisia tarinoita: Varhaismodernia koskeva biografien kirjallisuus Suomessa ennen vuotta 1950 // Henkilöhistoria ja varhaismoderni aika / Toim. J. Kares, M. Toivo ja M. Välimäki. Helsinki, 2024. S. 40. URL: <https://oa.finlit.fi/books/e/10.21435/ht.292> (дата обращения: 22.05.2026).

¹⁰³ См.: *Agricola Mikael. Rucouskiria*, Bibliasta: se on, molemista testamentista, messuramatusta, ia muusta monesta, jotca toysella polella luetellan, cokoopoymettu Somen Turussa. Stocholm, 1544 // Doria. URL: https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/43445/p20-06_rucouskiria.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 18.04.2026). Об Агриколе: Heininen S. Mikael Agricola: elämä ja teokset. Helsinki, 2007; Haaramäki O. Kokonaiskuva etsimässä Mikael Agricolan persoonasta ja elämäntyöstä. Hyllykallio, 2012.

¹⁰⁴ Подробнее о деятелях финляндской Реформации см.: Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб., 2007.

произнес там пламенную речь о родине, назвав ее «Финская элегия» (*Finnonia elegia*, 1650)¹⁰⁵. Двадцатидвухлетний уроженец Пори, в будущем государственный деятель и дипломат, Йохан Паулинус (в дворянстве Лиллиенстедт) в главном зале Уппсальского университета в марте 1678 года прочел свою знаменитую поэму на греческом языке «Великое княжество Финляндское» (*Magnus Principatus Finlandia*)¹⁰⁶, где в 379 стихах воспел процветание родного края. Произведение несомненно оказало влияние на современников, поскольку сразу было опубликовано и вошло в антологию шведской литературы *Svecia literata* 1680 года.¹⁰⁷ В отличие от Вексioniуса, рассматривавшего всё королевство как шведское, Шефер и Паулинус описывали только свою финскую родину, мечтая о ее признании в империи и вечном процветании (под шведским скипетром).

Авторами первых исторических повествований о Финляндии и финнах были в основном шведские историки, в чьи интересы входило составление карты владений Шведского королевства. География и этнографические описания обычаев являлись существенной частью любых исторических сочинений XVI и XVII веков, но сведения о далеких северо-восточных землях Швеции долгое время оставались фрагментарными. Информация о финнах, изложенная в произведениях братьев Магнусов, представляла собой краткие зарисовки, основанные на сведениях предшественников и слухах. В своей знаменитой «Истории северных народов» (*Historia de Gentibus Septentrionalibus*, 1555) Олаус Магнус описал финнов как добрый, скромный, щедрый и гостеприимный народ, медлительный в гневе, «но, если их долго провоцируют, они компенсируют свою медлительность масштабом мести»¹⁰⁸. Когда-то колдуны и язычники, они были обращены в христианство шведским королем Эриком Святым и епископом Генрихом, построили великолепные храмы, «очень стремятся возводить новые» и проявляют «высочайшее почтение к священникам»¹⁰⁹. Финны

¹⁰⁵ Kotivuori Y. Ylioppilasmatrikkeli 1640–1852: Johan Schaefer // Verkkojulkaisu 2005. URL: <https://ylioppilasmatrikkeli.fi/henkilo.php?id=299> (дата обращения: 18.04.2026).

¹⁰⁶ Magnus principatus Finlandia, epico carmine depicta et in illustri academia Upsaliensi publice decantata, à Iohanne Paulino, Finlando. Holmiæ, [1678] // Alvin. Platform for digital collections and digitized cultural heritage. URL: <https://www.alvin-portal.org/alvin/view.jsf?pid=alvin-record%3A501420&dswid=4606> (дата обращения: 07.04.2026).

¹⁰⁷ Lampinen A. Johan Paulinus' Greek *Magnus Principatus Finlandia* (1678): *Nova ex veteribus* in Northern Classicizing Ethnography // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/36261549/Johan_Paulinus_Greek_Magnus_Principatus_Finlandia_1678_nova_ex_veteribus_in_Northern_Classicizing_Ethnography (дата обращения: 16.05.2026) (выступление в рамках воркшопа *Northern Barbarians and their Representation*, Университет Сент-Эндрюс, 21 марта 2018 года). См. также: Korhonen T. Rhetorical Strategies in Johan Paulinus (Lillienstedt) *Finlandia* (1678). A Versified Oration in Greek from the Baroque Period // *Arctos — acta philologica fennica*. Helsinki, 2000. Vol. XXXIV. S. 63–88.

¹⁰⁸ Olaus Magnus. *Historia de gentibus septentrionalibus*. Romae, 1555. S. 152 // Project Runeberg. URL: <https://runeberg.org/olmagnus/> (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁰⁹ Ibid.

очень крепкий народ, готовый к любой деятельности, хорошие деревообработчики, пивовары и доказали свою меткость в стрельбе из лука¹¹⁰. Эта скудная информация долгое время оставалась и для шведов, и для остальной Европы единственным источником сведений о финнах. Популярность издания в значительной мере объяснялась наличием многочисленных гравюр с изображением людей и их обычаев.

Примерно в то же время, в 1565 году, появляется составленная тогдашним главой туркуской епархии Паавали Юстеном латиноязычная «Хроника епископов Финляндских» (*Catalogus et ordinia successio episcoporum Finlandensium*)¹¹¹, которая долго распространялась в рукописном виде. Это сжатое изложение биографий финляндских епископов начиная со Святого Генриха и заканчивая самим автором. «Хроника...» Юстена была основана на списке епископов, составленном капитулом Туркуского собора в середине XIV века и дополненном в позднем Средневековье, но он существенно расширил источниковую базу, обратившись к архивным записям епархии Турку. Важным источником стала рукопись, известная в научном обиходе под названием «Черная книга Туркуского собора» (по цвету переплета). Официально этот сборник, который был составлен в 1470-е годы и содержит копии документов, отражающих главные события в жизни епархии, называется *Registrum ecclesiae Aboensis*¹¹². Юстен первым обратился к этому уникальному письменному источнику по истории финляндского Средневековья, что обусловило значимость его «Хроники...», а его самого стали называть «первым известным финским историком»¹¹³.

¹¹⁰ Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus... S. 136, 329, 450.

Вообще больше всего внимания Олаус Магнус уделил различным способам ведения боя у финнов: они сильны в метательном оружии и очень опытни в этом — ни один бросок не пропадает даром, используют длинные словые копья, веревки как ловушки, коварных собак (Ibid. S. 370). Во многих работах почему-то повторяются лишь сведения Магнуса о людях, которые «ходят по глубокому снегу на деревянных досках, согнутых в арку», как о финнах (см., например: Kannisto P. Suolatut säkeet: Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen. 2. elektroninen painos, 2008. S. 23). Но он здесь говорит о жителях так называемой Скрикфиннии (*Scricfinnia*), которую описывает как расположенную на севере между Биармией и Финнмарком и примыкающую к Ботническому заливу («извергая Ботническое море, словно это в основном хвост»): «Самый быстрый способ бегать — прикрепить к ногам плоские деревянные бруски» (Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus. S. 13). То есть речь скорее всего идет о саамах, финны (*Finni*) в «Истории северных народов» рассматриваются отдельно. *Scricfinnia* изображена и на *Carta Marina* Олауса Магнуса 1539 года.

¹¹¹ См.: Juusten Paulus. Catalogus et Ordinaria Successio Episcoporum Finlandensium / ed. Simo Heininen. Helsinki, 1988; Heininen S. Suomalaisen historiankirjoituksen synty. Tutkimus Paavali Juustenin piispainkronikasta. Helsinki, 1989.

¹¹² В 1890 году директор Государственного (ныне Национального) архива Финляндии Рейнхольд Хаусен подготовил наиболее полное печатное издание «Чёрной книги», факсимильная версия этой работы с новым предисловием доступна на сайте архива: Registrum ecclesiae Aboensis eller Åbo Domkyrkas. Jyväskylä, 1996. URL: https://df.narc.fi/Images/Editions/REA_1996.pdf (дата обращения: 16.05.2026).

¹¹³ Heininen S. Juusten Paul // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?id=2250> (дата обращения: 17.04.2026). Подробнее о Юстене см.: Макаров И. В. Очерки истории Реформации в Финляндии. С. 341–421.

Опубликована «Хроника епископов Финляндских» была почти два века спустя, в 1728 году. Профессор Або Академии Хенрик Габриэль Портан проанализировал и дополнил работу Юстена в 56 диссертациях, выходявших в период с 1784 по 1800 год¹¹⁴. Сама «Хроника...» в труде Портана занимает 40 из 889 страниц, остальное — обширные комментарии и еще более обширные примечания к комментариям, состоящие среди прочего из большого количества средневековых документов. В результате получилось своего рода историческое хранилище (он сам называл эту работу «складским помещением» истории Финляндии — *förrådshus*), которое заложило основу для последующих исторических исследований в Финляндии, а Портану принесло почетное звание «отца финской истории»¹¹⁵.

Финляндская национальная историография в поисках своих корней не скупилась на такие эпитеты и определения. Когда в крае созрела потребность в знаковых национальных фигурах, вокруг которых можно было бы объединить общество, трудолюбивый и педантичный профессор Або Академии XVIII века Х. Г. Портан, действительно очень много сделавший для развития гуманитарного знания, но мало подходивший на роль национального героя, был возведен фенноманами в этот ранг. Поставленный в 1864 году в Турку памятник Портану стал первым монументом Финляндии, сюжет которого не имел библейского или императорского подтекста. При этом исторические труды Портана оценивались фенноманами не очень высоко¹¹⁶. Конструируя национальную историю и отрицая ее наличие до 1809 года, фенноманы всё же отдавали дань финской культуре и великим людям шведского периода. Основным критерием для поиска «великих финнов» раннего Нового времени было то, насколько активно человек способствовал продвижению финской идентичности в свое время.

Первая короткая биография Портана была написана в середине XIX века профессором Императорского Александровского университета Габриэлем Рейном

¹¹⁴ Porthan H. G. Opera omnia. Turku, 1978–1983. Vol. VI–VIII. Работа доступна в электронном виде: M. Pauli Juusten episcopi quond. Aboënsis, Chronicon episcoporum Finlandensium, annotationibus et apparatu monumentorum illustratum. Disputationibus academicis proposuit Henr. Gabr. Porthan // Kansalliskirjaston digitaaliset aineistot. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/2199486?page=1> (дата обращения: 17.04.2026).

¹¹⁵ Тафкиайнен К. Хенрик Габриэль Портан (1739–1804) // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 479.

¹¹⁶ Например, лидер фенноманов Ю. В. Снельман в молодости откровенно преуменьшал значение Портана, видя в нем скорее «коллекционера», нежели ученого (Snellman J. V. Sivistyksen taso Suomessa // Snellman J. V. Teokset 3: Kuopion kausi. Jyväskylä, 1982. S. 57–63). Но когда в начале 1860-х годов собирали деньги на памятник Портану, Снельман вошел в комитет по его установке и написал статью в *Litteraturblad*, в которой Портан уже предстает практически основоположником и олицетворением «финского национального духа» (Snellman J. V. Kuka Porthan oli? // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa X. Porvoo, 1930. S. 93–100).

Старшим¹¹⁷, однако звание «отца финской истории» утвердилось за ним лишь в XX веке. В 1939 году известный исследователь финляндского Средневековья, представитель националистической школы профессор Ялмари Яаккола издал статью, называвшуюся «Хенрик Габриель Портан „отец истории Финляндии“»¹¹⁸. Тогда же было создано Общество Портана, преследовавшее в то время скорее политические, нежели научные цели. Предшественники и вдохновители Портана, включая Агриколу, Юстена, Юслениуса, серьезно стали интересовать исследователей только со второй половины XX века. Тот же Яаккола в 1950 году назвал первым «отцом финской истории» католического епископа Турку Мауну Сяркилахти (*Maunu Niilonpoika Särkilähti*, ок. 1435–1500), который предположительно был создателем (или первооткрывателем) «Чёрной книги Туркуского собора». По мнению Яаккола, Сяркилахти, заслуживает этого звания «как систематический собиратель, переписчик и эксперт по историческим источникам, а также как инициатор общего исторического направления мысли в Финляндии»¹¹⁹. Однако лишь в конце XX века под влиянием модернизма финские историки начинают серьезно изучать наследие предшественников Портана.

Первые дошедшие до нас труды, посвященные собственно Финляндии, а не только ее церкви, появляются в первой половине XVII века, и это прежде всего работы шведа Йоханнеса Мессениуса.

Профессор Уппсальского университета Йоханнес Мессениус (*Johannes Messenius*, 1579–1636) был признанным в Швеции историком, но впал в немилость по подозрению в католицизме и в 1616 году был пожизненно заключен в тюрьму финляндского замка Каяани¹²⁰. В заточении он написал главный труд своей жизни — «Скандинавия в наглядных описаниях» (*Scondia illustrata*), десятый том которого был посвящен хронологии событий в Финляндии, Ливонии и Курляндии «от всемирного потопа до 1628 года»¹²¹. Одновременно им по шведской

¹¹⁷ Rein G. Henrik Gabriel Porthan... Helsingfors, 1864.

¹¹⁸ Jaakkola J. Henrik Gabriel Porthan, «Suomen historian isä» // Historiallinen Aikakauskirja. 1939. Vol. 37, No. 3–4. S. 223–239.

¹¹⁹ Jaakkola J. Maunu Särkilähti, vanhin «Suomen historian isä» // Historiallinen Aikakauskirja. 1950. Vol. 48, No. 3. S. 254.

¹²⁰ Olsson B. Johannes Messenius // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=19146> (дата обращения: 07.04.2026).

¹²¹ [Messenius Johannes.] Ex Johannis Messenii Scondia illustrata, tomus X seu Chronologia de rebus Venedarum Borealium ad Scondiam jure pertinentium, scilicet Finno-um, Livonum, et Curlandorum, ab ipso fermè orbis diluvio, ad annum Christi MDCXXVIII gestis // Doria. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/193666> (дата обращения: 7.04.2026). Перевод на русский: Мессениус Й. Скандинавия в наглядных описаниях Йоханнеса Мессениуса, или Хронология свершений северных венедов и деяний, без сомнения к Скандинавии относящихся, финнов, ливов и куро-нов едва ли не от самого всемирного потопа до года MDCXXVIII от рождения Христова // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Messenius_2/frametext1.htm (дата обращения: 16.05.2026).

средневековой традиции историописания была составлена рифмованная хроника на шведском языке, посвященная Финляндии и ее жителям, — *Rimkrönika om Finland och dess inbyggare*.

В предисловии, обращаясь к будущему читателю, Мессениус писал:

Коль ты финляндец, мой мудрый Читатель,
Оцени эту книгу, как добрый приятель.
Посоветуй ее и другим прочесть
И понять, что такое Отчизны честь.
<...>
Всяк, прилежно книгу читая,
О Финляндии очень много узнает.
Я поведать хотел бы читателю
Сперва о стране и ее обитателях,
Какие епископы и короли,
Когда и откуда людей привели,
И как овладели шведы страной.
Да пребудет воля Божья со мной!¹²²

На самом деле хроника Мессениуса была работой фрагментарной, мало-информативной, недостоверной, а местами просто фантастической, однако она благодаря своему статусу первенца и основным посылам автора занимает важное место в истории финской культуры. Основная идея опального историка заключалась в том, что у каждой нации есть свет, который может либо гореть ярко, либо тускнеть, и своей задачей он видел вывести финнов из тьмы, чтобы горели они «ярче полуденного солнца».

В *Scondia illustrata* Мессениуса готские теории, согласно веяниям времени, занимали центральное место. Тем не менее он не отказывал в великом прошлом и финнам, отыскивая их корни в библейском генеалогическом древе и называя потомками Туискона, которого в средние века считали то четвертым сыном Ноя, то его потомком по линии Иафета. Однако усилия, предпринятые Мессениусом по освобождению финляндцев от «киммерийской тьмы»¹²³, в Швеции были восприняты как измена — побежденные и поработанные шведами финские племена не могли иметь

¹²² Job. Messenii. Rimkrönika om Finland och dess inbyggare. Helsingfors, 1865. S. 2 // KB Digitalt. URL: https://weburn.kb.se/metadata/6hp/digtryck_5rkz9wpq3zc4p6hp.htm (дата обращения: 07.04.2026). На русском: Мессениус И. Рифмованная хроника о Финляндии и её обитателях / пер. Я. Лапатки // Восточная литература. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Messenius_1/frametext.htm (дата обращения: 07.04.2026). См. также: От времен потопных: старинные финляндские хроники / тексты Иоанна Мессения; пер., коммент. и подбор справ. материалов Я. Лапатка. СПб., 2013.

¹²³ Киммерийская тьма (киммерийцы — древние племена, жившие на Северном Кавказе и берегах Азовского моря) — сплошная, непроглядная тьма. Идиоматическое выражение, появившееся благодаря Гомеру («Ночь безотрадная там искони окружает живущих». «Одиссея», XI песнь, строки 13–19).

такое же благородное прошлое и историю, нежели завоеватели. *Scondia illustrata* была опубликована Йоханом Перингшёльдом в 14 томах лишь в 1700–1705 годах.¹²⁴ Рифмованная «Финляндская хроника» увидела свет еще позже — в 1774 году (первый перевод на финский — 1932).

Если говорить о собственно финляндских авторах, то следует упомянуть имя Лаврентиуса Петри Абоикуса (*Laurentius Petri Aboicus*, 1605–1671), одного из основоположников церковного песнопения и проповеднической протестантской литературы на финском языке. Он родился в Турку (отсюда прозвище Абоикус — уроженец Або), был священником в приходах Лоймаа и Таммела в Юго-Западной Финляндии и в 1658 году написал необычную хронику под названием «Краткая финская хронология в стихах, или Познание времени» (*Synopsis chronologiae Finnonicae rythmica eli Ajan tietö*)¹²⁵.

В доступной для простых прихожан и легко запоминающейся стихотворной форме Лаврентиус представил первое изложение истории финляндской церкви на финском языке. Его основным источником была, по всей видимости, латиноязычная рукопись «Хроника епископов Финляндских» Паавали Юстена, однако *Ajan tietö* содержит и более старый материал, которого нет у Юстена (например, информация о епископах Выборга). Интересно, что повествование начинается с первого крестового похода и епископа Генриха, в раннюю историю страны он не вникал: в тексте нет никаких признаков дискурса о великом прошлом и в отличие от хроники Мессениуса финны в *Ajan tietö* избавлены от ветхозаветного происхождения. В целом Финляндия описывается как бедное на события захолустье Шведской империи, меняются только епископы. Нецерковные события, напротив, описываются как мрачные: бушуют болезни, преследуют враги и рассказ о запустении оказывается настоящим дискурсом страдания, когда на первый план выдвигаются всевозможные бедствия: «Ах, это время, ужасное время! / Многие страдают по-разному: / Болезни убивают умелых, / Война поражает сильных»¹²⁶.

Этот дискурс нищеты, невезения и страдания часто повторялся в церковных текстах, ориентированных на массы, и выражал как эмпатию, так и призыв к смирению по отношению к Богу, церкви, социальному и политическому неравенству. В работах шведских авторов отношение к финнам было иным. Известно высказывание первого ректора Або Академии, епископа Турку в 1652–1657 годы Эскиля Петреуса: «Когда дела находятся в полном разладе, значит, они идут как в Финляндии»¹²⁷.

¹²⁴ Подробнее о текстах Мессениуса см.: *Kannisto P. Suolatut säkeet...* S. 22–57.

¹²⁵ *Synopsis Chorologiae Finnonicae, Rythmica Eli Ajan Tietö... a Laurentio Petri...* // Kansalliskirjaston digitaaliset aineistot. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/2677260?page=1> (дата обращения: 18.04.2026).

¹²⁶ Ibid. S. 13.

¹²⁷ Цит. по: *Kannisto P. Suolatut säkeet...* S. 59.

Жертвы невезения финны, которые выбираются из канавы только для того, чтобы снова оказаться в канаве, нуждаются в посторонней помощи, чтобы пережить обрушившиеся на них несчастья.

Лаврентиус, описывая страдания финнов, выражал им гораздо больше сочувствия и симпатий: «Ах, моя любимая Родина! Самый прекрасный остров Финляндия!»¹²⁸ Форма и стиль его текста были еще несовершенны и эклектичны, глубокими знаниями приходской священник не обладал. Тем не менее *Ajan tietö*, как и хроника Мессениуса, предназначенная для совсем другой аудитории, оказались важной вехой на пути становления национальной финляндской историографии. Как бы иллюзорны и ошибочны ни были взгляды авторов, сочинения эти положили начало дальнейшим исследованиям в области истории и культуры финского народа, вдохновив феннофилов и Даниэля Юслениуса.

С середины XVII века среди шведских ученых стало модным писать диссертации о родине и родном крае, целью которых было обозреть всю империю и повысить ее мировую значимость с помощью красноречивых восхвалений. Так называемые патриотические диссертации (*patria dissertationes*) продолжали традиции готского историописания¹²⁹. В этом плане рассуждения Мессениуса о великом прошлом финнов можно отнести к предшественникам упомянутого жанра.

Апофеозом шведского научного готицизма стало псевдоисторическое сочинение профессора Упсальского университета Улофа Рюдбека (*Olaus Rudbeckius*, 1630–1702) «Атлантика» (*Atland eller Manheim, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia*, 1675–1699, 3 т., 4-й незаконченный вышел в 1702 году). Анатом, историк, натуралист, поэт Рюдбек, изучив значительное античное наследие, а также сочинения более поздних авторов, доказывал всемирно-историческое значение скандинавов, идентифицируя легендарную Атлантиду Платона со Скандинавским полуостровом. Построение древней истории Швеции он начинал с потопа и расселения народов в результате строительства Вавилонской башни. По Рюдбеку, шведы

¹²⁸ Synopsis Chorologiae Finnonicae, Rythmica Eli Ajan Tieto... S. 11.

¹²⁹ В последние десятилетия в Финляндии появилось немало концептуально-исторических исследований, посвященных анализу понятий «патриотизм», «национализм» и «родина» (*patria*) в Швеции периода раннего Нового времени. Некоторые исследователи упоминают доктрину Цицерона о «двух родине», которая была вполне уместна для Шведской империи и, несомненно, известна в академических кругах XVII века. Понятие родины использовалось для описания как местного населения, так и всего королевства в зависимости от ситуации и социального статуса тех, кто высказывался по этим вопросам. Хорошая современная библиография проблемы представлена в статье Петри Каронена, опубликованной в переиздании работы «О финском патриотизме во время шведского правления» (1989) одного из пионеров этого направления Эрки Лехтинена (См.: *Karonen P. Varhaismodernin ajan patriotismin tutkimuksesta // Lehtinen E. Suomalaisesta patriotismista Ruotsin vallan aikana / Toim. M. Lamberg. Verkkojulkaisu (= Agricolaan julkaisusarja 17). 2022. S. 8–21. URL: <https://agricolaverkko.fi/julkaisusarja/erkki-lehtinen-suomalaisesta-patriotismista-ruotsin-vallan-aikana/> (дата обращения: 16.05.2026)).*

были прямыми потомками Магога (внука Ноя, сына Иафета), который привел свой народ на север. Основная группа поселилась в районе Старой Уппсалы, ставшей колыбелью мировой цивилизации: здесь процветали науки и искусства, появился рунический алфавит — прародитель латыни и греческого, разработаны счет времени, основанный на астрономии, и классическая мифология. Именно отсюда разросшееся племя двинулось на юг, расселяясь по миру и неся свет цивилизации другим народам. Таким образом, атланты, а также троянцы, амазонки, галлы, гипербореи, скифы были, как и готы, нордического происхождения. Монументальное построение истории эрудита Рюдбека опиралось на сложное сочетание интерпретации источников (часто неверной), этимологии и изучения различных природных условий. Неизменной отправной точкой была библейская хронология, все исторические данные Библии он считал непоколебимо достоверными¹³⁰.

Родина готов, центром которой были Свеаланд и Ёталанд, выступала мощным соединяющим и формирующим идентичность фактором, но она не объединила всю империю, хотя Рюдбек и поместил Финляндию в контекст Атлантиды Платона, оценив финнов как вторую по величине старейшую нацию в мире после шведов. «Атлантика» вдохновила ученых Або Академии на написание аналогичной финляндской истории. Способствовали этому и другие тексты шведской «патриотической науки», которая в годы Великой Северной войны пыталась решить проблему сохранения былого величия страны.

Правительственные программы, направленные на дальнейшую интеграцию Финляндии и Швеции, рождались не на пустом месте, они имели свое теоретическое обоснование, в основе которого лежали не идеологические или националистические, а главным образом экономические соображения. Одним из авторов таких обоснований был профессор Уппсальского и Туркусского университетов, ученик Рюдбека Израэль Несселиус (*Israel Nesselius*, 1667–1739). По роду своей деятельности и в Уппсале, и в Турку (он занимал там профессуры греческого и восточных языков) Несселиус был далек от экономических проблем¹³¹. Но много путешествуя и интересуясь вопросами международной политики и государственной жизни, этот профессор классической филологии в итоге оказался знатоком самых актуальных вопросов своего времени.

Уже в первые годы Великой Северной войны Несселиус понял, что происходят решающие для будущего шведского государства события. Поставив перед собой

¹³⁰ Подробнее см.: *Eriksson G.* The Atlantic Vision: Olaus Rudbeck and Baroque Science. Canton, Mass, 1994; *Idem.* Olof (Olaus) Rudbeck // *Svenskt biografiskt lexikon*. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/6987> (дата обращения: 05.04.2026).

¹³¹ *Kerckonen M.* Jsrael Nesselius ja Suomi // *Israel Nesseliusen mietinnöt*. Helsinki, 1949. S. V–XXXV; *Norberg A.* Israel Nesselius // *Svenskt biografiskt lexikon*. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8850> (дата обращения: 28.03.2026).

задачу найти способ сохранения и упрочения могущества Швеции, он составляет программу подъема национальной экономики, изложив свои взгляды в статьях, объединенных под названием «Размышления» и написанных в Турку в 1708–1711 годы. Экономическая программа Несселиуса базировалась на концепциях меркантилизма, активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь предусматривалось на всей территории Швеции. И в этой связи он считал жизненно необходимым дальнейшую интеграцию Швеции и Финляндии, поскольку лишь единое, в том числе по языку и по духу, государство способно достойно противостоять могущественным соседям.

В отдельной статье «Особо о культуре Финляндии» (*Om Finnlands cultur in specie*, 1709) Несселиус развивал мысль о том, что для сохранения и упрочения шведского великодержавия в Финляндии необходимо распространение шведской культуры и шведского языка. Доверие, единство и любовь, писал Несселиус, сильнее в обществе, говорящем на одном языке и «всегда в мире язык народа-победителя распространялся среди побежденных, завоеванных народов»¹³². Основными путями распространения шведского языка в Финляндии профессор считал перевод богослужения на шведский и усиленную миграцию населения, то есть регулярные обмены рабочей силой и рекрутами между всеми частями королевства. Впрочем, Несселиус не настаивал на полной «шведизации» восточной провинции. Он писал, что если у кого-то есть желание сохранить этот «странный язык» как некий раритет, то можно выделить пару северных приходов на границе с Лапландией, где разместить носителей финского языка¹³³.

Особой необходимости в развитии Финляндии Несселиус не видел, но интересы короны были для него превыше всего. Самым важным препятствием для успешности экономики края он считал плохо развитую транспортную инфраструктуру. Продукция, которую восточная провинция могла легко производить, не использовалась: зерно не доставлялось на рынок, болотная руда, в которой так нуждалась шведская металлургия, не добывалась, деревья гнили в лесу. Чтобы купить соль, продать рыбу, мясо, масло, жителям внутренних районов Финляндии приходилось преодолевать сотни километров. С целью укрепления экономики он предложил ряд практических мер: повсеместно осушить болота, чтобы превратить их в пастбища, луга и поля, построить каналы и судоходные пути от Пори к Хямеенлинне и Пяйянне, а также между озерами Пяйянне и Саймаа, что улучшило бы внутренние транспортные связи, коммуникации со Швецией и торговые операции, увеличило бы таможенные поступления от экспорта мачт, досок,

¹³² Israel Nesselius mietinnöt... S. 8.

¹³³ Ibid. S. 10–13.

пеньки, льна и лесоматериалов. Экономический подъем нужен для того, чтобы Финляндия успешно выполняла свою главную функцию — быть прочной стеной, защищающей королевство от могущественной России («...en starkare förmur emot den mächtige Ryssland»)¹³⁴.

Подобные предложения, хотя некоторые из них были вполне разумными, не могли не вызвать возмущение среди образованных слоев финляндского общества. И тем более «культурные» размышления Несселиуса не могли встретить поддержки в стенах Або Академии, где набирало силу феннофильство и героем дня был уже один из самых ярких представителей этого течения Даниэль Юслениус.

Даниэль Юслениус

Если у Мессениуса еще не было восприятия финнов как единой нации и он писал о различных племенах, живших на территории Финляндии, которая тоже обозначалась крайне неясно, то у феннофилов начала XVIII века национальное чувство получает уже более развитое и целенаправленное выражение, интерес ко всему финскому приобретает у них особые черты, связанные с пробуждением национального самосознания.

Термин «феннофиль» был введен в оборот литературоведами конца XIX века, однако уже в начале XVIII столетия существовало слово *fyllofenus* («любящий всё финское»), и главной задачей называющих себя так университетских преподавателей и священнослужителей становится возвышение финского народа, история и культура которого, как они считали, незаслуженно забыты. Своей деятельностью и своим творчеством они стремились явить миру красоту и духовность финской культуры, отстаивая таким образом право финского народа, его языка и культуры на существование и достойное место среди других наций.

Наиболее ярким представителем культурного феннофильства был профессор и ректор Або Академии, позднее епископ Порвоо и Скары Даниэль Юслениус (*Daniel Juslenius*, 1676–1752). Он был младшим ребенком в семье Даниэля Хенрикссона, священника прихода Вирмо (Мюнямяки, юго-западная Финляндия), взявшим себе латиноязычную фамилию Юслениус. Маленького Даниэля, лишившегося матери в два года, воспитывали и обучали сначала отец, а затем старшие братья Авраам и Габриэль. После четырех лет учебы в Кафедральной школе Турку в марте 1691 года в возрасте 15 лет Даниэль Юслениус был зачислен в Або Академию. Но вскоре умер отец, семья столкнулась с большими финансовыми трудностями, и учебу в университете пришлось прервать. Юслениус вынужден был зарабатывать репетиторством, служил матросом

¹³⁴ Israel Nesselius mietinnöt... S. 22–23, 26, 77–78, 90–93.

на торговом корабле своего брата Хенрика, курсировавшем по Балтике¹³⁵. Это отсрочило обучение, но способствовало его знакомству с такими влиятельными людьми своего времени, как епископ Дэвид Лунд, государственный секретарь Самуэль Океръельм и епископ Йоханнес Гезелиус Младший, что пригодились в его будущей деятельности.

Гезелиус Младший сыграл значительную роль в формировании патристических взглядов Юслениуса и во многих отношениях был опорой для молодого человека. Позже Юслениус стал помощником Гезелиуса по редактированию комментариев к шведскому переводу Библии и домашним учителем его сына, тоже Йоханнеса Гезелиуса (*Johannes Gezelius Nepos*) — третьего представителя семьи, епископа Порвоо в 1723–1733 годах¹³⁶.

В 1697 году Юслениус смог возобновить обучение в Академии, и уже первая его работа — диссертация *pro exercitio* «Старый и новый Турку» (*Aboa vetus et nova*, 1700)¹³⁷ — произвела фурор в ученых кругах обеих частей королевства. Научный руководитель профессор Йоханнес Мюнстер участия в написании диссертации, по всей видимости, не принимал, это был манифест самого Юслениуса, на котором базировались многие последующие произведения феннофилов. В соответствии с правилами латинской риторики он воспевал историю, богатство и природную красоту своей родины. Несмотря на то, что предметом диссертации была локальная история Турку, Юслениус сумел расширить ее до панегирика всей Финляндии, которая, по его мнению, являлась древнейшей цивилизацией мира. В качестве образцов для диссертации были взяты частично географическое и историческое изображение Финляндии Вексионием, частично хроника Мессениуса, но прежде всего — «Атлантика» Улофа Рюдбека. Как и его предшественники, Юслениус, сочетая в своем тексте труды античных и средневековых авторов с легендарными и ветхозаветными материалами, создал основополагающий миф для Финляндии.

В своей магистерской диссертации «В защиту финнов» (*Vindiciae Fennorum*, 1703)¹³⁸ он продолжил тему восхваления Финляндии и ее народа, правда, всё же

¹³⁵ *Pitkäraanta P.* Даниэль Юслениус // Сто замечательных финнов. С. 773; *Pitkäraanta R.* Juslenius, Daniel // Kansallisbiografia. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2266> (дата обращения: 18.04.2026).

¹³⁶ *Laasonen P.* Vanhan ja uuden rajamaastossa: Johannes Gezelius nuorempi kulttuurivaikuttajana. С. 107.

¹³⁷ [Munster, Johannes Bernhardt.] *Aboa vetus et nova*, 1700 // Doria. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/109605> (дата обращения: 18.04.2026). *Juslenius D.* Vanha ja uusi Turku / Käänt. T. Pekkanen ja V. Seppälä-Pekkanen. Helsinki, 1988. Далее ссылки даются на это финское издание.

¹³⁸ [Juslenius, Gabriel Danielis.] *Vindiciae Fennorum*, 1703 // Doria. URL: <https://www.doria.fi/handle/10024/51896> (дата обращения: 18.04.2026); *Juslenius D.* Suomalaisten puolustus / Käänt. J. Sarsila. Helsinki, 1994. Далее ссылки даются на это финское издание.

с большей умеренностью, чем в работе о Турку, но и с большей гордостью за собственную принадлежность к столь славной нации¹³⁹.

Обе работы похожи друг на друга по своей структуре, аргументации, рассуждениям и представляли собой описания родного края, включающие историю, географию и фольклор. Не отступая от моды, Юслениус четко следовал канонам жанра *Patria dissertatio*, то есть клялся в любви к своему Отечеству и всячески восхвалял его природную красоту, доблесть соотечественников в войнах и трудолюбие в мирное время. Как уже отмечалось, в XVII–XVIII веках слово *Patria* («Отечество, Родина») могло означать объекты разного уровня, от Севера в целом до родного региона и домашнего очага. Патриотизм Юслениуса столь же широк, когда он объединяет описание Турку с описаниями Финляндии, Швеции и стран Северной Европы, закладывая вслед за Платоном и Цицероном в основу всего семью и близкое окружение: «Мы рождены не только для себя: отечество, родители и друзья нуждаются в каждом моменте нашего существования»¹⁴⁰. Финляндию и Швецию связывает общий правитель, которого Юслениус называет «Достопочтенный Отец Отечества» (*Patriae Augustissimus Pater*) и «Правитель Отечества» (*Patriae rector*)¹⁴¹. Да, шведское завоевание было жестоким процессом, и шведы, желая отомстить за свои прежние поражения, уничтожили последние остатки старой финской культуры. Но конечный результат оказался счастливым: победа святого Эрика означала для финнов причастность к истинной вере и избавление от тьмы ада, а шведы, убедившись в верности финнов, приняли их в свои союзники¹⁴².

Тем не менее *Patria* для Юслениуса — это прежде всего Финляндия, которая нуждается в помощи и защите. Поставив перед собой цель прославить финнов, Юслениус начал с составления для них триумфальной родословной, возведя их корни к внуку Ноя Магогу (один из вариантов готских теорий, как и теория Туискона Мессениуса). Когда люди, по благословению Божию, после потопа размножились и захотели найти новые места для проживания, потомки Иафета,

¹³⁹ На протяжении всей работы Юслениус говорил о финнах как о «нашем народе» и называл их «мы». «Мы», принадлежащие к финской нации, составляли «нашу родину», *patria*, которую он, таким образом, отождествлял с Финляндией. По мнению Юхи Маннинена, именно диссертацию *Vindiciae Fennorum*, написанную в исключительных обстоятельствах разраставшейся войны, можно считать первым четким литературным выражением финского национализма: конкретная формулировка идеи финской нации, отождествление себя с этой нацией и взгляд на вещи изнутри. (Manninen J. Kansakunnan aatteen synty Ruotsissa ja Suomessa // Tieteessä Tapahtuu. 2002. Vol. 20, No. 1. URL: <https://journal.fi/tt/article/view/57480>) (дата обращения: 30.03.2026). См. также: Manninen J. Den finska nationen i det svenska riket: Daniel Juslenius och Henrik Gabriel Porthans nationskonstruktioner // Maktens mosaik: Enhet, särart och självbild i det svenska riket. Helsingfors, 2008. S. 233–263; Manninen J. ”Suomalaisuus ennen suomalaisuutta” — 1700-luvun tutkimuksen haaste.

¹⁴⁰ Juslenius D. Suomalaisten puolustus. S. 33.

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Juslenius D. Vanha ja uusi Turku. S. 45, 78, 84.

получившие Европу, двинулись на север под предводительством Магога и захватили Финляндию¹⁴³. Соответственно, и финский язык был «изначальным», столь же древним, как древнееврейский и древнегреческий. В отличие от «производных» языков, сложившихся позднее, финский возник сразу же при вавилонском столпотворении, в результате божественного акта. Утверждение о принадлежности финского языка к библейским Юслениус обосновывал тем, что он просто не мог быть производным от какого-либо другого языка¹⁴⁴.

О цивилизации финнов, по его мнению, свидетельствовал тот факт, что они изобрели искусство письма (руническое письмо) еще до римлян. Изобретателями письма были киммерийцы, проживавшие по всей Лапландии и Похьянмаа. Они жили на самом севере, под Полярной звездой, где ночь длится больше месяца (отсюда и поговорка «Киммерийская тьма»). Это были те люди, которых теперь называют «кемиляйцами», а каждый ребенок знает, что кемайяйцы — это финны¹⁴⁵. Таким образом, переживания Мессениуса по поводу финляндской «киммерийской тьмы» получают натуралистическое объяснение: по мнению Юслениуса, это связано не с отсталостью финнов или периферийностью Финляндии, а с расположением страны вблизи полюса мира.

Жанр диссертации требовал от Юслениуса по-новому подать информацию о Финляндии и финнах. Его сочинения базировались на диалектическом методе, унаследованном из диалогов Платона и господствовавшем тогда в шведской науке и Або Академии. Для познания сущности вещей необходимо было всестороннее их рассмотрение, истину можно отыскать, лишь изучив противоречивые мнения. В духе диалектической оппозиционной установки Юслениус в воображаемых дебатах выступил защитником финнов, противостоя иностранным, их критикующим. Иностранцы, по его мнению, «высокомерны и завистливы и по глупости думают, что за пределами их страны невозможно найти цивилизацию»¹⁴⁶. Они считают, что у финнов вместо мозгов грибы, они живут в нищете, страдают от космических морозов и питаются рабской пищей¹⁴⁷. В ответ на это Юслениус пытается всеми средствами убедить свою аудиторию в благоприятных условиях края и отвергнуть, среди прочего, утверждения о страшных морозах и неурожаях: холод не препятствует созреванию фруктовых культур, в стране росли даже виноградники и лимонные деревья¹⁴⁸, а урожай в Финляндии собирают летом дважды¹⁴⁹.

¹⁴³ *Juslenius D. Vanha ja uusi Turku*. S. 40.

¹⁴⁴ *Ibid.* S. 39.

¹⁴⁵ *Ibid.* S. 77.

¹⁴⁶ *Juslenius D. Vanha ja uusi Turku*. S. 22; *Idem. Suomalaisten puolustus*. S. 37–38.

¹⁴⁷ *Juslenius D. Vanha ja uusi Turku*. S. 23; *Idem. Suomalaisten puolustus*. S. 40–42, 51.

¹⁴⁸ *Juslenius D. Vanha ja uusi Turku*. S. 74.

¹⁴⁹ *Juslenius D. Suomalaisten puolustus*. S. 39.

Согласно господствовавшей тогда теории почвы и климата, считалось, что равные условия производят равные свойства. Защищая Финляндию от критических высказываний иностранцев, Юслениус писал, что сравнение края с другими странами не дает истинной картины, поскольку в Финляндии действуют другие законы природы, нежели в Южной Европе. Уже Аристотель и Геродот считали, что природные условия Севера породили в живущих там народах изначальную силу и здоровье, а также трудолюбие и храбрость. По Юслениусу, суровый климат делает людей выносливыми, крепко сложенными и здоровыми, потому что холод борется с чумой и другими болезнями, ослабляющими народы юга¹⁵⁰. Утверждению о грубой и тяжелой «рабской» пище финнов Юслениус противопоставляет аргумент, что мать-природа вынуждена баловать «нежные» народы юга деликатесами, тогда как финны питаются здоровой «полезной едой»¹⁵¹. Суровые условия жизни способствуют равенству между людьми, поскольку природа Финляндии не дает «более обеспеченным людям преимуществ или возможностей» для возвышения над другими. И вообще государство счастливее «без драгоценных камней, жемчуга, золота и других заветных сокровищ тщеславных смертных»¹⁵². Впрочем, убеждать в том, что финны «презирают изысканность», Юслениусу приходится и своих читателей: «Если бы мы могли жить, довольствуясь тем, что даровано природой!»¹⁵³

В целом всё, что можно восхвалять — природные ресурсы, почву, климат, людей, их образованность, обычаи и традиции, — воодушевленно воспето Юслениусом. Древние финны были хорошими мореплавателями, искусными ремесленниками, отличными строителями и домоводами, поэтами; они отличались примерным поведением, вежливостью, трудолюбием. Само финское название *Suomi* происходит от слова *suominen*, что означает «дружелюбие ко всем и гостеприимство». Все финны жизнерадостны, доброжелательны, обладают большим человеческим достоинством и, конечно же, являются великими воинами¹⁵⁴.

Дискурс воинской славы, уходивший корнями в античность, был очень важен для репрезентации финнов. В условиях начавшейся Великой Северной войны тема боеспособности шведской армии, создание предпочтительных моделей поведения солдат в сражениях были чрезвычайно актуальны, и Юслениус постарался создать идеальный национальный образ воина, возражая тем, кто писал, что «финны часто терпят поражения и даже бегут с поля боя»¹⁵⁵.

¹⁵⁰ Juslenius D. Suomalaisten puolustus. S. 42.

¹⁵¹ Ibid. S. 35, 41, 51.

¹⁵² Ibid. S. 41.

¹⁵³ Ibid. S. 35.

¹⁵⁴ Juslenius D. Vanha ja uusi Turku. S. 87; Idem. Suomalaisten puolustus. S. 53, 65–66.

¹⁵⁵ Juslenius D. Suomalaisten puolustus. S. 66.

Доказательства того, что в храбрости финны ничем не уступали древним готам, он ищет у старых авторитетов. Поскольку многие из них напрямую о финнах не писали, Юслениус прибегает к лингвистическому методу Рюдбека, который позволял даже при небольшом сходстве слов открывать удивительные перспективы. Он писал, что древние героические народы, такие, как легендарные скритофинны (*skritofinni*) и вандалы, — это и есть финны. Утверждение доказывалось с помощью простых силлогизмов: а) скритофинны — это особый народ, живший на севере в древние времена, которых уже нет; б) ни одна нация не признала скритофиннов своими предками, и, следовательно, «поскольку такой нации нет, название отлично подходит всем финнам, которые умеют быстро преследовать дичь на лыжах и при необходимости окружать, вызывать замешательство и уничтожать врагов»¹⁵⁶. Вандалов/вендов и финнов идентифицировал еще Мессениус, и Юслениус продолжил его мысли, доказывая, что местам, где воевали финны, они дали свои названия: слово «Андалузия» происходит от слова «вандалы», а название Вена — от слов *Vindisk mark*, то есть земля вендов. И легендарный Винланд — это тоже Финляндия¹⁵⁷.

Иностранное название страны *Finlandia*, по Юслениусу, происходит от слова *fiendeland* (норв. «вражеская страна»), поскольку финны своей воинственностью пугали соседние страны. Рассказывая истории о победоносных экспедициях, он перечисляет целый ряд армий, потерпевших поражение от финнов¹⁵⁸. Их бесконечное рвение бить своих врагов породило новое слово *hakkapeliitta*, которое, по мнению Юслениуса, является производным от словосочетания *hakkaa päälle* («ударь, руби, бей изо всех сил»). Этот боевой клич нападавших на врага финнов «всегда заставлял трепетать Польшу, а также австрийцев и защитников священного (если боги допускают такое слово) союза», они приходили от него в ужас и в большинстве своем погибали, принимая нападавших за воинов Божьих¹⁵⁹. Название «хаккапелиитта» не являлось выдумкой Юслениуса, оно было дано финской легкой кавалерии уже во время шведско-польских войн рубежа XVI–XVII веков и затем использовалось (в разных написаниях) английскими авторами при описании Тридцатилетней войны. Сам Юслениус считал, что слова никогда не рождались сами по себе, то есть без существования вещей, которые они обозначают¹⁶⁰. Если появилось слово «хаккапелиитта», значит, финны действительно доблестно воевали на европейских полях сражения.

¹⁵⁶ Juslenius D. Vanha ja uusi Turku. S. 43.

¹⁵⁷ Ibid. S. 44–45, 61.

¹⁵⁸ Ibid. S. 60–61.

¹⁵⁹ Ibid. S. 66–67.

¹⁶⁰ Ibid. S. 66.

Современные исследователи считают, что «хаккапелиитты» не снискали себе какой-то особой славы в тех войнах. Очень немногие источники упоминают именно финских солдат, что вполне понятно, учитывая относительно небольшую долю финнов в шведских армиях, действовавших в Центральной Европе, которые в основном состояли из наемников¹⁶¹. Тем не менее концепция «хаккапелиитты» оказалась очень востребованной в деле нациестроительства XIX века, когда Сакариас Топелиус обновил ее в своих «Рассказах фельдшера» (1851–1866), а также в Финляндии первой половины XX века.

Работы Юслениуса оснащены многочисленными ссылками на ученые авторитеты от Цицерона, Курция, Гомера, Горация, Овидия до современников, что должно было придать трудам научную основательность. Интересно, что он даже опирается на «Трактаты о человеке» еще не принятого в Або Академии Декарта, когда описывает финнов антропологически и разделяет врожденное и приобретенное в финском темпераменте (как приобретенные черты представлены гибкость ума и хитрость)¹⁶². Однако зачастую его рассуждения и аргументация основываются просто на призывах к здравому смыслу. Иногда он приводит примеры и вместо выводов вопрошает читателя: «Этого достаточно?» или советует, к кому обратиться, если что-то неясно: «Спросите наших фермеров» и даже «Каждый ребенок может это подтвердить»¹⁶³.

Диссертация *Vindiciae Fennorum* была написана под руководством старшего брата Юслениуса Габриэля, который занимал должность профессора логики и метафизики философского факультета. Труды самого Габриэля Юслениуса (1666–1724), обильно и положительно цитировавшего Декарта и Френсиса Бэкона, свидетельствуют о том, что в Або Академии происходили прогрессивные перемены: знания, основанные на опыте и разуме, начинают приравняться к авторитету Библии, а положение латыни как языка образования постепенно снижается: большинство его поздравительных или мемориальных стихов и речей были написаны на шведском языке. В своей работе «О человеческом процессе познания» (*De processu cognitionis humanae*, 1703) Габриэль Юслениус подчеркивал, что познание основано частично на чувственных ощущениях или опыте, а частично на разуме. Работы ученых-предшественников нельзя полностью отвергать, но и не нужно им слепо следовать, выбирая лишь то, что представляется лучшим и наиболее правдивым. Библия тоже важнейший источник знаний, но во имя

¹⁶¹ Подробнее см.: *Lappalainen J. Sadan vuoden sotatie: Suomen sotilaat 1617–1721*. Helsinki, 2001. S. 75–78; *Lappalainen M. Pohjolan Leijona: Kustaa II Adolf ja Suomi 1611–1632*. Helsinki, 2014. S. 282–285.

¹⁶² *Juslenius D. Suomalaisten puolustus*. S. 51, 53–54, 66, 68.

¹⁶³ *Juslenius D. Vanha ja uusi Turku*. S. 65, 77; *Idem. Suomalaisten puolustus*. S. 39.

религии не следует фанатично выступать против того, «что не противоречит правильному ее пониманию»¹⁶⁴.

Даниэль Юслениус в своих диссертациях большого энтузиазма в пользу картезианства не высказывал, поскольку это могло поставить под угрозу его будущую академическую карьеру. Соблюдая правила доминирующих в Академии принципов написания научных работ, он при этом — так же, как и брат — считал, что «глубоко мыслящие люди не цепляются ни за какой авторитет» без должных на то оснований¹⁶⁵. В 1705 году Юслениус получил должность ассистента на философском факультете, затем был назначен секретарем Академии, а в 1712 году стал профессором священных языков, то есть древнееврейского и греческого. В своей инаугурационной речи (*Oratio de Convenientia Linguae Fennicae cum Hebraea et Graeca*) он попытался проследить связь между ивритом, греческим и финским языками, утверждая, что между финским и греческим существуют значительные лексические параллели и отыскав около 500 финских слов, которые по его представлению происходили из древнееврейского¹⁶⁶.

Время было тяжелое, военное. Осенью 1710 года в Турку пришла чума, Юслениус заразился одним из первых, но сумел одолеть болезнь. Годы русской оккупации Финляндии («Великое лихолетье») Юслениус с семьей провел в Швеции. Вступая в 1713 году в должность лектора риторики и поэтики гимназии в Вестеросе, он прочитал лекцию *De miseriis Fennorum* («О страданиях финляндцев»), в которой утверждал, что в бедствиях, обрушившихся на Финляндию, во многом виноваты шведы¹⁶⁷.

После Ништадтского мира далеко не все образованные финны вернулись домой. Або Академия возобновила работу в ноябре 1722 года, из прежних преподавателей в Турку вернулись только четыре профессора, среди них Габриэль и Даниэль Юслениусы. Послевоенная ситуация требовала еще больших усилий от феннофилов. В 1721 году епископом Турку и вице-канцлером Академии стал прибалтийский немец Герман Витте, который не знал финского языка и отрицательно относился к назначению на профессорские должности финнов. Даниэль Юслениус получил профессию на теологическом факультете только в 1727 году. Много времени он тратил на политическую деятельность, избираясь несколько раз с 1731 года в риксдаг от сословия духовенства¹⁶⁸. В значительной степени

¹⁶⁴ *Kajanto I.* Juslenius Gabriel // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2563> (дата обращения: 18.04.2026).

¹⁶⁵ *Juslenius D.* Suomalaisten puolustus. S. 49.

¹⁶⁶ *Pitkäjäranta R.* Даниэль Юслениус... С. 774.

¹⁶⁷ *Pitkäjäranta R.* Juslenius, Daniel // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2266> (дата обращения: 18.04.2026).

¹⁶⁸ *Pitkäjäranta R.* Даниэль Юслениус... С. 775.

благодаря его усилиям в 1734 году при канцелярской коллегии была учреждена постоянная должность переводчика на финский язык.

В 1733 году Юслениус был выдвинут на пост епископа сразу в двух епархиях — Турку и Порвоо, но выбрал последнюю. Будучи епископом, он совершал дальние путешествия, в том числе и в отдаленные приходы северной Карелии, стремясь искоренить там суеверия и языческие обычаи и улучшить государственное образование¹⁶⁹. Он боролся как против православной церкви, у которой было много последователей в восточных приграничных регионах Финляндии, так и с пиетизмом.

Очередная русско-шведская война («Война „шляп“» 1741–1743) и новая русская оккупация Финляндии заставили семью Юслениуса вновь бежать в Швецию¹⁷⁰. В Финляндию он больше не возвращался, но даже став епископом в Скаре (западная Швеция), продолжал усердно работать на благо финнов.

В течение многих лет Юслениус собирал языковые и фольклорные материалы. Одним из главных трудов его жизни стало составление первого настоящего словаря финского языка *Suomalaisen Sana-Lugun Coetus* («Опыт финской словесности»). Он содержал около 16 000 слов (в переводе на латинский и шведский), собранных из ранее опубликованной финноязычной литературы, а также непосредственно у народа — частично самим Юслениусом, частично с помощью приходских священников. В конце был помещен указатель шведских слов, работа содержала много искусственных неологизмов XVIII века. Словарь был опубликован в Стокгольме в 1745 году, и уже в подзаголовке автор разъяснял его предназначение: «Составлен с помощью Божьей, большим долговременным трудом во имя славы финского языка»¹⁷¹. Прошло около 80 лет, прежде чем словарь Юслениуса был заменен более современным трудом.

В Швеции Юслениус также опубликовал перевод на финский язык Катехизиса уппсальского архиепископа конца XVII века Улофа Свебилиуса (1746), который активно использовался в Финляндии вплоть до конца XIX века. В предисловии он передавал теплый и возвышенный привет своим «самым дорогим соотечественникам»¹⁷².

В целом творчество Даниэля Юслениуса, как бы иллюзорны и ошибочны порой ни были его взгляды, положило начало серьезным исследованиям в области истории и культуры финского народа, способствовало пробуждению национального самосознания в финляндском обществе.

¹⁶⁹ *Pitkäranta R.* Даниэль Юслениус... С. 775.

¹⁷⁰ Дочь Юслениуса Кристина оставалась в Финляндии, будучи замужем за викарием Виитасаари Сигфридом Портаном. Хенрик Габриэль Портан был их сыном.

¹⁷¹ [*Juslenius D.*] *Suomalaisen Sana-Lugun Coetus*. Stockholm, 1746 // Google Books. URL: https://books.google.ru/books?id=IX4CAAAAQAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s. (дата обращения: 16.05.2026).

¹⁷² *Pitkäranta R.* Juslenius, Daniel.

Заключение

Более двухсот лет в финляндской и шведской историографиях ведется спор о том, существовала ли уже до 1809 года идея самобытной национальной идентичности нации и народа на территории нынешней Финляндии. Отсюда и рожденный фенноманами спор о наличии у финнов истории до XIX века. Но, как известно, идеология национального государства является лишь одной из исторических форм национализма, а природу национальной идентичности следует понимать шире, прежде всего как историческую и символично-культурную. Поэтому мы согласны с Юхой Манниненом, который писал о «раннем финском национализме», возводя его корни к епископам Гезелиусам. Диссертация Юслениуса *Vindiciae Fennorum* впервые дала финнам идентичность в форме «мы», охватывающую всю нацию изнутри, и национализм XVIII века был действительно независимым историческим явлением, а не просто многообещающим «феннофильским» предшественником «настоящего», идеологического национализма XIX века, нацеленного на национальное государство.

В понятие «ранний национализм» вкладывается гораздо более широкий смысл, нежели в привычное нам современное понимание национализма с его государственно-политической подоплекой. Речь идет о феномене истории идей, на уровне идей, даже на уровне отдельных голосов. Как таковой «ранний национализм» имеет разнообразную долгосрочную историю, по-разному формирующуюся в различных ситуациях и без единой цели. Гимназия, университет и церковь, а также накопленный ими опыт поколений стали его важнейшими опорами, благодаря которым оказался возможен значимый поворот. Ранний национализм базировался на убеждении Агриколы о равнозначности всех языков для Бога и Гезелиуса Старшего, который считал, что слово Божье должно провозглашаться на всех языках.

Священнослужители играли центральную роль не только в религиозной и культурной, но и в политической жизни своих приходов вплоть до конца XIX века: церковь имела первостепенное значение в распространении государственной информации, пропаганды и политической культуры. Развитие высшего образования еще больше повысило статус духовенства как политического агента. При этом именно в среде духовенства, как самой образованной части населения, впервые появляется смысловой материал о нации, порожденный глубоким, длительным и сложным историческим процессом. В текстах второй половины XVII — начала XVIII века национальные смыслы формировались путем установления границ с образами Финляндии, представленными иностранцами. Дискурсы нищеты и страданий соседствовали в них с дискурсом национального превосходства, изначально создавая многомерную картину «финскости». Это дискурсивное

наследие впоследствии переосмыслялось и обновлялось, постепенно кристаллизуясь в новых исторических реалиях в более четкое понимание финнами своей идентичности и своей истории.

При этом следует помнить, что Юслениус и его предшественники представляли позиции, не укладывающиеся в рамки простого антикварного увлечения, но и не являющиеся государственно-сепаратистскими. Политически корректное мнение того времени заключалось в том, что каждому, кто жил в Финляндии, повезло быть частью Шведского королевства, любая другая точка зрения была абсурдна или, по крайней мере, невозможна для публичного или письменного выражения. Излагая свои призывы в защиту финнов, ни один из них не подвергал сомнению целостность Шведской империи или принадлежность финнов к ней. Существовало множество уровней идентичности: современники считали себя жителями деревни или района, города, провинции или графства, финской или шведской нации, но в итоге они были подданными Шведского королевства и его правителя.

Список литературы

1. Берендтс Э. Императорский Александровский университет в Финляндии: Очерк его организации и значения в общественной жизни Финляндии. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. 384 с.
2. Братчикова Н. С. Состояние и развитие финского языка во второй половине XVII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 6 (745). С. 33–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-razvitiie-finskogo-yazyka-vo-vtoroy-polovine-xvii-veka> (дата обращения: 22.05.2026).
3. Зверева В. В. «Новое солнце на западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
4. Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1979. 524 с.
5. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 488 с.
6. Комлева Ю. Е. Европейские университеты в раннее Новое время (1500–1800): [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 228 с.
7. Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII века. Л.: Наука, 1972. 160 с.
8. Литовских Е. В. Первые исландские историки (XI — начало XII в.) // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 1 (48). С. 146–154.
9. Макаров И. В. Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620 гг.): Формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб.: ИП Генкин, 2007. 559 с.
10. От времен потопных: старинные финляндские хроники / Тексты Иоанна Мессения; пер., коммент. и подбор справ. материалов Якуб Лапатка. СПб.: Гйоль, 2013. 320 с.
11. Питкяранта Р. Даниэль Юслениус // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 772–776.
12. Таркиайнен К. Хенрик Габриэль Портан (1739–1804) // Сто замечательных финнов: Калейдоскоп биографий. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004. С. 471–480.

13. Толстикова А. В. «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Сущность и метаморфозы шведской идентичности. М.: РГГУ, 2008. С. 59–76.
14. Шикалов Ю. Г. История финских букварей: от Агриколы до наших дней // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 4 (13). С. 40–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-finskih-bukvarey-ot-agrikoly-do-nashih-dney> (дата обращения: 22.05.2026).
15. Aate ja maailmankuva: Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadallamme / Toim. J. Manninen, S. Knuuttila, I. Niiniluoto. Helsinki: WSOY, 1979. 464 s.
16. Abo — Suomen metropoli, 1600-luku Turussa / Toim. S. Tuomola. Turku: Turun tietotarjonta, 2000. 127 s.
17. Autio V-M. Professorin viran ja arvon kehitys Suomessa. 2000 [Электронный ресурс] // Professoriliitto. URL: <https://www.professoriliitto.fi/app/uploads/2023/11/Veli-Matti-Autio-Professorin-viran-ja-arvon-kehitys-Suomessa.pdf> (дата обращения: 22.05.2026).
18. Claesson U. Enevald Svenonius [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=34874> (дата обращения: 22.05.2026).
19. Eriksson G. Olof (Olaus) Rudbeck [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/6987> (дата обращения: 22.05.2026).
20. Eriksson G. The Atlantic Vision: Olaus Rudbeck and Baroque Science. Canton, Mass: Science History Publications, 1994. 196 p.
21. Haapala P. ym. Kertomus Suomen historiasta. Tampere, 2021. S. 475–534 // Trepo. Tampereen yliopiston avoin julkaisuarkisto. URL: <https://trepo.tuni.fi/handle/10024/219096> (дата обращения: 22.05.2026).
22. Hallstensson E. Wexionius Mikael [Электронный ресурс] // Filosofia.fi. URL: https://filosofia.fi/suomalainen_filosofia/galleria/4958 (дата обращения: 22.05.2026).
23. Heikkinen A. Perinneyhteisöstä kansalaisyhteiskuntaan: koulutuksen historia Suomessa esihistoriallisesta ajasta itsenäisyyden aikaan. Helsinki: Gaudeamus, 1983. 156 s.
24. Heininen S. Juusten Paul [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?id=2250> (дата обращения: 22.05.2026).
25. Heininen S. Suomalaisen historiankirjoituksen synty. Tutkimus Paavali Juusten piispainkronikasta. Helsinki: Suomen kirkkohistoriallinen seura, 1989. 129 s.
26. Hyöty, sivistys, kansakunta: Suomalaista aatehistoriaa / Toim. J. Manninen ja I. Patoluoto. Oulu: Pohjoinen, 1986. 348 s.
27. Jaakkola J. Henrik Gabriel Porthan, «Suomen historian isä» // Historiallinen Aikakauskirja. 1939. Vol. 37, no. 3–4. S. 223–239.
28. Jaakkola J. Maunu Särkilahti, vanhin «Suomen historian isä» // Historiallinen Aikakauskirja. 1950. Vol. 48, no. 3. S. 247–256.
29. Kajanto I. Juslenius Gabriel [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2563> (дата обращения: 22.05.2026).
30. Kajanto I. Thuronius Andreas [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?id=2601> (дата обращения: 22.05.2026).
31. Kannisto P. Suolatut säkeet. Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen. 2. elektroninen painos, 2008. 252 s.
32. Karonen P. Varhaismodernin ajan patriotismin tutkimuksesta [Электронный ресурс] // Lehtinen E. Suomalaisesta patriotismista Ruotsin vallan aikana / Toim. M. Lamberg. Verkkojulkaisu (=Agricolan julkaisusarja 17). 2022. S. 8–21. URL: <https://agricolaverkko.fi/julkaisusarja/erkki-lehtinen-suomalaisesta-patriotismista-ruotsin-vallan-aikana/> (дата обращения: 16.05.2026).
33. Kerkkonen M. Jsrael Nesselius ja Suomi // Israel Nesseliusen mietinnöt. Helsinki: SHS, 1949. S. V–XXXV.

34. Kersken N. High and Late Medieval National Historiography // *Historiography in the Middle Ages* / ed. by D. Deliyannis. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 181–215.
35. Klinge M. Bernadotten ja Leninin välissä: tutkielmia kansallisista aiheista. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 170 s.
36. Klinge M. Petraeus Aeschillus [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?id=452> (дата обращения: 22.05.2026).
37. Klinge M. ym. Kuninkaallinen Turun Akatemia 1640–1808. Helsinki: Otava, 1987. 740 s.
38. Korhonen T. Rhetorical Strategies in Johan Paulinus (Lillienstedt) Finlandia (1678). A Versified Oration in Greek from the Baroque Period // *Arctos — acta philologica fennica*. Helsinki, 2000. Vol. XXXIV. S. 63–88.
39. Kouvalainen K. Turun akatemian väitöskirjat [Электронный ресурс] // Duodecim. 2008. No. 18. URL: <https://www.duodecimlehti.fi/duo97513> (дата обращения: 22.05.2026).
40. Kristillisen kirjan historia: 1600–1649 // Martinkirja. URL: <https://www.martinkirja.fi/1/kristillisen-kirjan-historia-1600-1649/> (дата обращения: 22.05.2026).
41. Laasonen P. Gezelius Johannes (Nepos) [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=2271> (дата обращения: 22.05.2026).
42. Laasonen P. Gezelius Johannes d.ä. [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=2252> (дата обращения: 22.05.2026).
43. Laasonen P. Gezelius Johannes vanhempi [Электронный ресурс] // Kansallisbiografia. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2252> (дата обращения: 22.05.2026).
44. Laasonen P. Vanhan ja uuden rajamaastossa: Johannes Gezelius nuorempi kulttuurivaikuttajana. Helsinki: SKS, 2009. 292 s.
45. Lampinen A. Johan Paulinus' Greek *Magnus Principatus Finlandia* (1678): *Nova ex veteribus* in Northern Classicizing Ethnography [Электронный ресурс] // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/36261549/Johan_Paulinus_Greek_Magnus_Principatus_Finlandia_1678_nova_ex_veteribus_in_Northern_Classicizing_Ethnography (дата обращения: 16.05.2026).
46. Lappalainen J. Sadan vuoden sotatie. Suomen sotilaat 1617–1721. Helsinki: SKS, 2001. 224 s.
47. Lappalainen M. Pohjolan Leijona: Kustaa II Adolf ja Suomi 1611–1632. Helsinki: Siltala, 2014. 321 s.
48. Leinonen M. Johannes Gezelius vanhempi ja oppimisen ilo // Kasvatus- ja koulukysymys Suomessa vuosisatojen saatossa. [Turku]: Suomen kasvatustieteellinen seura, 2007. S. 55–74.
49. Lind J. Goter og göticisme // *Goternes Sprog, Historie og Efterliv: Et tværfagligt symposium*. Odense: Syddansk Universitet; Odense Universitet, 2006. S. 62–71.
50. Manninen J. ”Suomalaisuus ennen suomalaisuutta” — 1700-luvun tutkimuksen haaste: (Esitelmä Tieteen päivillä 12.1.2005, Helsinki) [Электронный ресурс]. // Filosofia.fi URL: https://filosofia.fi/sites/default/files/manninen_suomalaisuus_ennen_suomalaisuutta_lopullinen.pdf (дата обращения: 22.05.2026).
51. Manninen J. Den finska nationen i det svenska riket: Daniel Juslenius och Henrik Gabriel Porthans nationskonstruktioner // *Maktens mosaik: Enhet, särart och självbild i det svenska riket*. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland; Atlantis, 2008. S. 233–263.
52. Manninen J. Kansakunnan aatteen synty Ruotsissa ja Suomessa [Электронный ресурс] // *Tieteessä Tapahtuu*. 2002. Vol. 20, no. 1. URL: <https://journal.fi/tt/article/view/57480> (дата обращения: 22.05.2026).
53. Manninen J. Valistus ja kansallinen identiteetti. Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki: SKS, 2000. 263 s.
54. Metso T. Tapaillaan. Akateemisia juhlia ja tapoja. Helsinki: Yliopistopaino, 1998. 132 s.

55. Miettinen T. Esimerkkejä ja opettavaisia tarinoita: Varhaismodernia koskeva biografinen kirjallisuus Suomessa ennen vuotta 1950 [Электронный ресурс] // Henkilöhistoria ja varhaismoderni aika / Toim. J. Kares, M. Toivo ja M. Välimäki. Helsinki: SKS, 2024. S. 37–73. URL: <https://oa.fnlit.fi/books/e/10.21435/ht.292> (дата обращения: 22.05.2026).
56. Mustelin O. Johannes Gezelius [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/mobil/Artikel/17044#/sbl/Mobil/Artikel/13047> (дата обращения: 22.05.2026).
57. Mustelin O. Simon Kexlerus [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11449> (дата обращения: 22.05.2026).
58. Nenonen K.-M., Teerijoki I. Historian suursanakirja. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1998. 1168 s.
59. Nilzén G. Gustaf Friederich Rosen, von [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/6872> (дата обращения: 22.05.2026).
60. Norberg A. Israel Nesselius [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8850> (дата обращения: 22.05.2026).
61. Nummila K.-M. Kirjoitetun suomen historia: Kieli ja kirjallistuminen keskiajalta 1800-luvun taitteeseen. Helsinki: SKS, 2025. 553 s.
62. Nuorteva J. Piispa Johannes Gezelius nuorempi eurooppalaisen individualismin ja rationalismin juurilla [Электронный ресурс] // Tieteessä tapahtuu. 2010. No. 2. S. 54–56. URL: <https://journal.fi/tt/article/view/2693> (дата обращения: 22.05.2026).
63. Nuorteva J. Turun akatemian kirjapaino tieteen ja opetuksen palveluksessa 1642–1827 [Электронный ресурс] // Unigrafia. URL: https://web.archive.org/web/20120519152852/http://www.unigrafia.fi/fi/vaittelijan_palvelusivut/vaitoskirjan_historia (дата обращения: 22.05.2026).
64. Oittinen V. Suomalainen filosofia 1200–1850 [Электронный ресурс] // Filosofia. fi. URL: https://filosofia.fi/sites/default/files/oittinen-suomal_filosofia.pdf (дата обращения: 22.05.2026).
65. Olsson B. Johannes Messenius [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=19146> (дата обращения: 22.05.2026).
66. Peikola M. Jäljittelyä vai jäljentämistä? Professori Ericus Achreliuksen englanninkieliset gratulaatiot Turun Akatemiassa 1640–1660-luvuilla [Электронный ресурс] // Auraica. 2010. Vol. 3. S. 15–40. URL: <https://journal.fi/aur/article/view/3671> (дата обращения: 22.05.2026).
67. Pitkäranta R. Juslenius, Daniel [Электронный ресурс] // Biografiskt lexikon för Finland. URL: <https://blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2266> (дата обращения: 22.05.2026).
68. Pitkäranta R. Juslenius, Daniel [Электронный ресурс] // Kansallisbiografia. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2266> (дата обращения: 22.05.2026).
69. Randen S. Johannes Gezelius vanhemman kirjapainossa painettujen latinan oppikirjojen pedagogiikka // Koulu ja menneisyys. Suomen kasvatuksen ja koulutuksen historian seuran vuosikirja. 2014. Vol. 52. S. 176–199.
70. Reynolds S. The Idea of the Nation as Political Community // Power and the Nation in European History / ed. by L. Scales and O. Zimmer. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 54–66.
71. Santavuori M. Turun linna. Turku: Sotasokeat, 1970. 122 s.
72. Seppälä J. Rippikoulun ja konfirmaation kehitys // Kartalla: rippikoulutyön käsikirja / Toim. A. Rissanen. Helsinki: Kirkon kasvatustieteiden keskus, 1998. S. 17–70.
73. Suomalainen filosofian kronikka [Электронный ресурс] // Niin & Näin. URL: https://web.archive.org/web/20071006223959/http://www.netn.fi/Muut/netn_finfil.html#anchor379734 (дата обращения: 22.05.2026).
74. Suomen historian käsikirja / Toim. A. Korhonen. Porvoo: WSOY, 1949. Osa I. 741 s.

75. Suomen historian pikkujättiläinen. Helsinki: WSOY, 2003. 960 s.
76. Suomen kulttuurihistoria. 2 / Toim. Päiviö Tommila, Aimo Reitala ja Veikko Kallio. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1980. 544 s.
77. Tähtinen J., Hovi R. Kansanopetuksen ja koulujen kehityslinjoja Suomessa 1500-luvulta 1800-luvun alkuun // Kasvatus- ja koulukysymys Suomessa vuosisatojen saatossa. [Turku]: Suomen kasvatustieteellinen seura, 2007. S. 13–54.
78. Teerijoki I. Brahe, Per // Suomen kansallisbiografia. Osa 1. Helsinki, 2003. S. 769–773
79. Vainio-Korhonen K. Turun Akatemia ja turkulaisten arki 1700-luvulla: Juhlaluento. Turun yliopisto, Akateeminen päivä 26.3.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.abo.fi/aktuell/akateeminen.pdf> (дата обращения: 22.05.2026).
80. Vanhimman suomalaisen kirjallisuuden käsikirja / Toim. T. Laine. Helsinki: SKS, 1997. 357 s.
81. Välimaa J. A History of Finnish Higher Education from the Middle Ages to the 21st Century. Cham: Springer, 2019. 325 p.
82. Villstrand N.E. Valtakunnanosa. Suurvalta ja valtakunnan hajoaminen 1560–1812. Porvoo: SLS, 2012. 424 s.
83. Wittrock G. Per Brahe [Электронный ресурс] // Svenskt biografiskt lexikon. URL: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=18054> (дата обращения: 22.05.2026).

TAKALA Irina R.

Independent scholar,
Russia, Petrozavodsk,
irina.r.takala@gmail.com

BECOMING A NATION: THE FIRST STEPS OF FINNISH HUMANITIES AND NATIONAL THOUGHT

Abstract. This article examines the key stages in the development of humanities and national thought in Finland in the 17th and early 18th centuries. It focuses on the founding and early history of the first Finnish university, the Royal Academy of Sciences in Turku (Åbo Academy), as well as the work of key figures in the development of national philosophical and historical thought: Bishops Geselius (father and son), Uppsala University Professor Johannes Messenius, Finnish pastor Laurentius Aboicus, and Åbo Academy Professor and Bishop Daniel Juslenius. The author concludes that the work of these individuals can rightfully be considered the first step in the Finns' search for their national identity, and that their creative legacy, however illusory and erroneous their views may sometimes have been, marked the beginning of serious research into the history and culture of the Finnish people. The period under consideration can be called the period of 'early Finnish nationalism', not always recognized by its representatives, but crucial to the formation of Finland's cultural and national identity, without which the national upsurge of the 19th century would not have been possible.

Keywords: History of Finland, Early Modern Period, Åbo Academy, Johannes Gezelius the Elder, Johannes Gezellius the Younger, Daniel Juslenius, nationalism, historiography.

For citation: Takala I. R. Becoming a nation: the first steps of Finnish humanities and national thought. *Studia Nordica*, 2026, no. 1 (2), pp. 25–84. DOI: 10.17076/sn20

References

1. Berendts E. *Imperatorskii Aleksandrovskii universitet v Finliandii: Oчерk ego organizatsii i znacheniiia v obshchestvennoi zhizni Finliandii*. Saint-Petersburg, Gosudarstvennaia tipografiia, 1902, 384 p.
2. Bratchikova N. S. Sostoianie i razvitie finskogo iazyka vo vtoroi polovine XVII veka. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 6, pp. 33–44, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-razvitie-finskogo-yazyka-vo-vtoroy-polovine-xvii-veka> (accessed: 22.05.2026).
3. Zvereva V. V. “Novoe solntse na zapade”: Beda Dostopochtennyi i ego vremia. Saint-Petersburg, Aleteia, 2008, 248 p.
4. Karkhu E. G. *Istoriia literatury Finliandii*. Leningrad, Nauka, 1979, 524 p.
5. Kollingvud R. Dzh. *Ideia istorii. Avtobiografiia*. Moscow, Nauka, 1980, 488 p.
6. Komleva Iu. E. *Evropeiskie universitety v rannee Novoe vremia (1500–1800): uchebnoe posobie*. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2013, 228 p.
7. Laidinen A. P. *Oчерki istorii Finliandii vtoroi poloviny XVIII veka*. Leningrad, Nauka, 1972, 160 p.
8. Litovskikh E. V. Pervye islandskie istoriki (XI — nachalo XII v.). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia*, 2020, no. 1, pp. 146–154.
9. Makarov I. V. *Oчерki istorii reformatsii v Finliandii (1520–1620 gg.): Formirovanie natsional'noi tserkornosti. Portrety vydaiushchikhsia deiatelei finskoi reformatsii*. Saint-Petersburg, Individual'nyi predprinimatel' Genkin, 2007, 559 p.
10. *Ot vremen potopnykh: starinnye finliandskie khroniki*. Saint-Petersburg, Giol', 2013, 320 p.
11. Pitkiaranta R. Daniel' Iuslenius. *Sto zamechatel'nykh finnov: Kaleidoskop biografii*. Khel'sinki, Obshchestvo finskoi literatury, 2004, pp. 772–776.
12. Tarkiainen K. Khenrik Gabriel' Portan (1739–1804). *Sto zamechatel'nykh finnov: Kaleidoskop biografii*. Khel'sinki, Obshchestvo finskoi literatury, 2004, pp. 471–480.
13. Tolstikov A. V. “Shvedskost” kak “gotskost”: shvedskii gotitsizm XV–XVII vv. *Sushchnost' i metamorfozy shvedskoi identichnosti*. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2008, pp. 59–76.
14. Shikalov Iu. G. Istoriia finskikh bukvarей: ot Agrikoly do nashikh dnei. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 2013, no. 4, pp. 40–66. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-finskikh-bukvarey-ot-agrikoly-do-nashih-dney> (accessed: 22.05.2026).
15. *Aate ja maailmankuva: Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadalle*. [Ed. J. Manninen, S. Knuuttila, I. Niiniluoto]. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1979, 464 p.
16. *Abo — Suomen metropoli, 1600-luku Turussa*. [Ed. S. Tuomola]. Turku, Turun tietotarjonta, 2000, 127 p.
17. Autio V-M. Professorin viran ja arvon kehitys Suomessa. *Professoriliitto*, available at: <https://www.professoriliitto.fi/app/uploads/2023/11/Veli-Matti-Autio-Professorin-viran-ja-arvon-kehitys-Suomessa.pdf> (accessed: 22.05.2026).
18. Claesson U. Enevald Svenonius. *Svensket biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=34874> (accessed: 22.05.2026).
19. Eriksson G. Olof (Olaus) Rudbeck. *Svensket biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=34874> (accessed: 22.05.2026).
20. Eriksson G. *The Atlantic Vision: Olaus Rudbeck and Baroque Science*. Canton, Science History Publications, 1994, 196 p.
21. Haapala P. Kertomus Suomen historiasta. *Suomalaisen yhteiskunnan historia 1400–2000*. Tampere, Vastapaino, 2021, pp. 475–534, available at: <https://trepo.tuni.fi/handle/10024/219096> (accessed: 22.05.2026).
22. Hallstensson E. Wexionius Mikael. *Filosofia.fi*, available at: https://filosofia.fi/suomalainen_filosofia/galleria/4958 (accessed: 22.05.2026).

23. Heikkinen A. *Perinneyhteisöstä kansalaisyhteiskuntaan: koulutuksen historia Suomessa esihistoriallisesta ajasta itsenäisyyden aikaan*. Helsinki, Gaudeamus, 1983, 156 p.
24. Heininen S. Juusten Paul. *Biografiskt lexikon för Finland*, available at: <https://blf.fi/artikel.php?id=2250> (accessed: 22.05.2026).
25. Heininen S. *Suomalaisen historiankirjoituksen synty. Tutkimus Paavali Juustenin piispainkronikasta*. Helsinki, Suomen kirkkohistoriallinen seura, 1989, 129 p.
26. *Hyöty, sivistys, kansakunta: Suomalaista aatehistoriaa*. [Ed. J. Manninen, I. Patoluoto]. Oulu, Pohjoinen, 1986, 348 p.
27. Jaakkola J. Henrik Gabriel Porthan, “Suomen historian isä”. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1939, vol. 37, no. 3–4, pp. 223–239.
28. Jaakkola J. Maunu Särkilähti, vanhin “Suomen historian isä”. *Historiallinen Aikakauskirja*, 1950, vol. 48, no. 3, pp. 247–256.
29. Kajanto I. Juslenius Gabriel. *Biografiskt lexikon för Finland*, available at: <https://blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2563> (accessed: 22.05.2026).
30. Kajanto I. Thuronius Andreas. *Biografiskt lexikon för Finland*, available at: <https://blf.fi/artikel.php?id=2601> (accessed: 22.05.2026).
31. Kannisto P. *Suolatut säkeet. Suomen ja suomalaisten diskursiivinen muotoutuminen 1600-luvulta Topeliukseen*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008, 252 p., available at: <https://nomadtravelbooks.com/downloads/suolatut-sakeet-vitriolic-verses-vaitoskirja-tohtori-paivi-kannisto.pdf> (accessed: 29.05.2026).
32. Karonen P. Varhaismodernin ajan patriotismin tutkimuksesta. *Lehtinen E. Suomalaisesta patriotismista Ruotsin vallan aikana*. [Ed. M. Lamberg]. 2022, pp. 8–21, available at: <https://agricolaverkko.fi/julkaisusarja/erkki-lehtinen-suomalaisesta-patriotismista-ruotsin-vallan-aikana/> (accessed: 16.05.2026).
33. Kerkkonen M. Jsrael Nesselius ja Suomi. *Israel Nesseliuksen mietinnöt*. Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1949, pp. V–XXXV.
34. Kersken N. High and Late Medieval National Historiography. *Historiography in the Middle Ages*. [Ed. D. Deliyannis]. Leiden, Boston, Brill, 2003, pp. 181–215.
35. Klinge M. *Bernadotten ja Leninin välissä: tutkielmia kansallisista aiheista*. Porvoo, Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1975, 170 p.
36. Klinge M. Petraeus Aeschillus. *Biografiskt lexikon för Finland*, available at: <https://blf.fi/artikel.php?id=452> (accessed: 22.05.2026).
37. Klinge M. et al. *Kuninkaallinen Turun Akatemia 1640–1808*. Helsinki, Otava, 1987, 740 p.
38. Korhonen T. Rhetorical Strategies in Johan Paulinus (Lillienstedt) Finlandia (1678). A Versified Oration in Greek from the Baroque Period. *Arctos — acta philologica fennica*. Helsinki, 2000, vol. XXXIV, pp. 63–88.
39. Kouvalainen K. Turun akatemian väitöskirjat. *Duodecim*, 2008, no 18, available at: <https://www.duodecimlehti.fi/duo97513> (accessed: 22.05.2026).
40. Kristillisen kirjan historia: 1600–1649. *Martinkirja*, available at: <https://www.martinkirja.fi/1/kristillisen-kirjan-historia-1600-1649/> (accessed: 22.05.2026).
41. Laasonen P. Gezelius Johannes (Nepos). *Biografiskt lexikon för Finland*. available at: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=2271> (accessed: 22.05.2026).
42. Laasonen P. Gezelius Johannes d.ä. *Biografiskt lexikon för Finland*, available at: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=2252> (accessed: 22.05.2026).
43. Laasonen P. Gezelius Johannes vanhempi. *Kansallisbiografia*, available at: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2252> (accessed: 22.05.2026).
44. Laasonen P. *Vanhan ja uuden rajamaastossa: Johannes Gezelius nuorempi kulttuurivaikuttajana*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009, 292 p.

45. Lampinen A. Johan Paulinus' Greek *Magnus Principatus Finlandia* (1678): *Nova ex veteribus* in Northern Classicizing Ethnography. *Academia.edu*, available at: https://www.academia.edu/36261549/Johan_Paulinus_Greek_Magnus_Principatus_Finlandia_1678_nova_ex_veteribus_in_Northern_Classicizing_Ethnography (accessed: 16.05.2026).
46. Lappalainen J. *Sadan vuoden sotatie. Suomen sotilaat 1617–1721*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001, 224 p.
47. Lappalainen M. *Pohjolan Leijona: Kustaa II Adolf ja Suomi 1611–1632*. Helsinki, Siltala, 2014, 321 p.
48. Leinonen M. Johannes Gezelius vanhempi ja oppimisen ilo. *Kasvatus- ja koulukysymys Suomessa vuosisatojen saatossa*. [Turku], Suomen kasvatustieteellinen seura, 2007, pp. 55–74.
49. Lind J. Goter og göticisme. *Goternes Sprog, Historie og Efterliv: Et tværfagligt symposium*. Odense, Syddansk Universitet, Odense Universitet, 2006, pp. 62–71.
50. Manninen J. ”Suomalaisuus ennen suomalaisuutta” — 1700-luvun tutkimuksen haaste: (Esitelmä Tieteen päivillä 12.1.2005, Helsinki). *Filosofia.fi*, available at: https://filosofia.fi/sites/default/files/manninen_suomalaisuus_ennen_suomalaisuutta_lopullinen.pdf (accessed: 22.05.2026).
51. Manninen J. Den finska nationen i det svenska riket: Daniel Juslenius och Henrik Gabriel Porthans nationskonstruktioner. *Maktens mosaik: Enhet, särart och självbild i det svenska riket*. Helsingfors, Svenska litteratursällskapet i Finland, Atlantis, 2008, pp. 233–263.
52. Manninen J. Kansakunnan aatteen synty Ruotsissa ja Suomessa. *Tieteessä Tapahtuu*, 2002, vol. 20, no. 1, available at: <https://journal.fi/tt/article/view/57480> (accessed: 22.05.2026).
53. Manninen J. *Valistus ja kansallinen identiteetti. Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000, 263 p.
54. Metso T. *Tapaillaan. Akateemisia juhlja ja tapoja*. Helsinki, Yliopistopaino, 1998, 132 p.
55. Miettinen T. Esimerkkejä ja opettavia tarinoita: Varhaismodernia koskeva biografien kirjallisuus Suomessa ennen vuotta 1950. *Henkilöhistoria ja varhaismoderni aika*. [Ed. J. Kares, M. Toivo, M. Välimäki]. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2024, pp. 37–73, available at: <https://oa.finlit.fi/books/e/10.21435/ht.292> (accessed: 22.05.2026).
56. Mustelin O. Johannes Gezelius. *Svenskt biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/mobil/Artikel/17044#/sbl/Mobil/Artikel/13047> (accessed: 22.05.2026).
57. Mustelin O. Simon Kexlerus. *Svenskt biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=11449> (accessed: 22.05.2026).
58. Nenonen K.-M., Teerijoki I. *Historian suursanakirja*. Porvoo; Helsinki, Juva, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1998, 1168 p.
59. Nilzén G. Gustaf Friederich Rosen, von. *Svenskt biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/6872> (accessed: 22.05.2026).
60. Norberg A. Israel Nesselius. *Svenskt biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/artikel/8850> (accessed: 22.05.2026).
61. Nummila K-M. *Kirjoitetun suomen historia: Kieli ja kirjallistuminen keskiajalta 1800-luvun taitteeseen*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2025, 553 p.
62. Nuorteva J. Piispa Johannes Gezelius nuorempi eurooppalaisen individualismin ja rationalismin juurilla. *Tieteessä tapahtuu*, 2010, no. 2, pp. 54–56, available at: <https://journal.fi/tt/article/view/2693> (accessed: 22.05.2026).
63. Nuorteva J. Turun akatemian kirjapaino tieteen ja opetuksen palveluksessa 1642–1827. *Unigrafia*, available at: https://web.archive.org/web/20120519152852/http://www.unigrafia.fi/fi/vaittelijan_palvelusivut/vaitoskirjan_historia (accessed: 22.05.2026).
64. Oittinen V. Suomalainen filosofia 1200–1850. *Filosofia.fi*, available at: https://filosofia.fi/sites/default/files/oittinen_suomal_filosofia.pdf (accessed: 22.05.2026).

65. Olsson B. Johannes Messenius. *Svenskt biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=19146> (accessed: 22.05.2026).
66. Peikola M. Jäljittelyä vai jäljentämistä? Professori Ericus Achreliuksen englanninkieliset gratulaatiot Turun Akatemiassa 1640–1660-luvuilla. *Auraica*, 2010, vol. 3, pp. 15–40, available at: <https://journal.fi/aur/article/view/3671> (accessed: 22.05.2026).
67. Pitkäranta R. Juslenius, Daniel. *Biografiskt lexikon för Finland*, available at: <https://blf.fi/artikel.php?ref=sok&id=2266> (accessed: 22.05.2026).
68. Pitkäranta R. Juslenius, Daniel. *Kansallisbiografia*, available at: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/2266> (accessed: 22.05.2026).
69. Randen S. Johannes Gezelius vanhemman kirjapainossa painettujen latinan oppikirjojen pedagogiikka. *Koulu ja menneisyys. Suomen kasvatuksen ja koulutuksen historian seuran vuosikirja*, 2014, vol. 52, pp. 176–199.
70. Reynolds S. The Idea of the Nation as Political Community. *Power and the Nation in European History*. [Ed. L. Scales, O. Zimmer]. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, pp. 54–66.
71. Santavuori M. *Turun linna*. Turku, Sotasokeat, 1970, 122 p.
72. Seppälä J. Rippikoulun ja konfirmaation kehitys. *Kartalla: rippikoulutyön käsikirja*. [Ed. A. Ris-sanen]. Helsinki, Kirkon kasvatustieteiden keskus, 1998, pp. 17–70.
73. Suomalainen filosofian kronikka. *Niin & Näin*, available at: https://web.archive.org/web/20071006223959/http://www.netn.fi/Muut/netn_finfil.html#anchor379734 (accessed: 22.05.2026).
74. *Suomen historian käsikirja*. [Ed. A. Korhonen]. Porvoo, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1949, 741 p.
75. *Suomen historian pikekujätkäiläinen*. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö, 2003, 960 p.
76. *Suomen kulttuurihistoria*. [Ed. Päiviö Tommila, Aimo Reitala, Veikko Kallio]. Porvoo, Helsinki, Juva, Werner Söderström Osakeyhtiö, 1980, 544 p.
77. Tähtinen J., Hovi R. Kansanopetuksen ja koulujen kehityslinjoja Suomessa 1500-luvulta 1800-luvun alkuun. *Kasvatus- ja koulukysymys Suomessa vuosisatojen saatossa*. [Turku], Suomen kasvatustieteellinen seura, 2007, pp. 13–54.
78. Teerijoki I. Brahe, Per. *Suomen kansallisbiografia*. Vol. 1, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003, pp. 769–773.
79. Vainio-Korhonen K. *Turun Akatemia ja turkulaisten arki 1700-luvulla: Jublaluento. Turun yliopisto, Akateeminen päivä 26.3.2013*, available at: <https://web.abo.fi/aktuell/akateeminen.pdf> (accessed: 22.05.2026).
80. *Vanhimman suomalaisen kirjallisuuden käsikirja*. [Ed. T. Laine]. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997, 357 p.
81. Välimaa J. *A History of Finnish Higher Education from the Middle Ages to the 21st Century*. Cham, Springer, 2019, 325 p.
82. Villstrand N. E. *Valtakunnanosa. Suurvalta ja valtakunnan bajoaminen 1560–1812*. Porvoo, Suomen Lähetysseura, 2012, 424 p.
83. Wittrock G. Per Brahe. *Svenskt biografiskt lexikon*, available at: <https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=18054> (accessed: 22.05.2026).